Кадетская ПЕРЕКЛИЧКА

№ 6

1973

КАДЕТСКАЯ ПЕРЕКЛИЧКА

Периодический журнал Объединения Кадет Российских
Зарубежных Кадетских Корпусов, Нью-Йорк, США

№ 6 Нью-Йорк 1973

Художественная обработка А. Н. Родзевич

"CADETS ROLLCALL"

Periodical Magazine (3-4 issues yearly)
Published by Association of Russian Cadets graduated
outside of Russia, Inc.
New York, USA

Subscription price $2.00 USA per single copy
$5.00 USA for one year

Managing Editor
Paul Olferiev
4187 Frame Place.
Flushing, N. Y. 11355 U.S.A.

ОГЛАВЛЕНИЕ

«ДЕД»

Конец декабря 1920 года. Суровая снежная зима. Маленькая железно-дорожная станция в Словении (Югославия), скорее полустанок с длинным названием «Свети Ловренц на Дравском Полью», где остановился наш товарный поезд, который привез нас в это заброшенное место. Рядом старый австрийский лагерь Стрнище, окруженный лесами, занесенный снегом, ставший на два года прибежищем для нас кадет, прибывших из России. Грязные, давно неремонтированные бараки, в которых еще недавно жили военнопленные. Когда мы поселились в них, там свободно разгуливал холодный ветер. Кровати без матрасов, без подушек и одеял, спали не раздеваясь, укрывшись только шинелью.

Нас приехало около шестисот кадет — это был Крымский кадетский корпус. Там можно было найти представителей почти всех кадетских корпусов России. За спиной у них была пережитая революция, годы гражданской войны, эвакуация. Многие из них с оружием в руках участвовали в борьбе с красными *).

Среди них были часто изломанные, уже пережившие трагедии, рано успевшие познакомиться с теневой стороной жизни и со всем тем отрицательным, что несет с собой гражданская война и, конечно, отвыкшие от школьной скамьи. Это была вольница — Запорожская Сечь, — которую обуздать и с которой справиться было не так просто. О дисциплине старых кадетских корпусов нельзя было и говорить.

В общем пришлось все создавать наново: воспитывать, т. е. укреплять пошатнувшуюся мораль и дисциплину, а также создавать условия, в которых можно было бы жить и заниматься. И нужно признать, что довольно быстро были достигнуты большие результаты и в этом заслуга, в первую голову, нашего директора, генерала Владимира Валерьяновича Римского-Корсакова, в кадетском обиходе просто нашего «Деда».

Большой русский патриот, хороший и отзывчивый человек, выдающийся педагог, гуманный и просвещенный, он старался воздействовать и, если нужно, перевоспитать не палкой, а добрым словом, советом и лаской. И как это помогало и чувствовалось теми, кто в те тяжелые годы очутился под его крылом.

---

*) Даже в моем классе (4-ое отделение 3-го класса) половина из нас были попавшие в корпус из Добровольческой Армии.

У него длинный жизненный путь: Полтавский кад. корпус, Александровское Военное училище в Москве, которое он оканчивает в 1879 г., потом Лейб-Гвардии Павловский полк. Но его не удовлетворяет карьера обыкновенного гвардейского офицера и он оканчивает Военно-Юридическую Академию и переходит на службу в Военно-Судебное ведомство. Будучи уже военным судьей, но чувствуя влечение к педагогической деятельности, он переходит в Военно-Учебное ведомство, где и находит свое призвание. Он получает назначение в 1-ый Московский кад. корпус, сначала инспектором классов, а потом директором корпуса, которым руководит до самой революции. Потом, уже в изгнании, наш Крымский кад. корпус и наконец Корпус-Лицей в Виль-ла Бэль под Парижем, где он 8-го ноября 1934 года умирает, там же он и похоронен.

У каждого из нас, его питомцев, есть что рассказать о нем и помянуть его добрым словом.

В первый год в Стрнище не хватало учительского персонала, поэтому и Деду пришлось преподавать. Помню его уроки по русской истории. Классных помещений первый год у нас не было, но погода стояла теплая и потому уроки проводились просто в лесу, где мы, окружив его, сидя на земле, слушали его увлекательные рассказы о Иване Грозном, Смутном Времени, о Минине и Пожарском. С того времени у многих из нас появился интерес к нашему прошлому и любовь к русской истории.

Помню в нашем бараке его вечерние чтения вслух «Князя Серебряного» Алексея Толстого, а потом только что вышедшего романа П. Краснова «За Чертополохом». Интересных для нас подростков книг было наперечет, а ему хотелось нас с ними познакомить, главное же нас занять и заинтересовать чтением книг. Читал он не только у нас, но и в других ротах, а их у нас было пять. Можно только удивляться как он все это успевал.

Барак №20, где помещалась наша 3-ья рота, находился почти напротив маленького барака, где жил директор. Летом, под вечер, у открытого директорского окна собирались кадеты в ожидании когда дед начнет выдавать книги.

Ему удалось вывезти свою небольшую библиотеку. Каждой книге на его полке, перед тем как ее дать кому-нибудь из кадет, он давал краткую, в двух словах, характеристику, часто в комическом тоне, вызывая смех у готовых всегда посмеяться кадет. Было весело, нескучно. Так прививалась любовь к книге.

Выдача книг из библиотеки

Летом 1921 года, как следствие разорений гражданской войны, коммунистического хозяйствования и ко всему этому небывалой засухи, начался голод, который главным образом, задел Поволжье, одну из самых плодородных частей Европейской России. Люди тысячами умирали от голода. На Западе была организована помощь «Голодающим Поволжья». В этом приняла посильное участие и Русская эмиграция. Наш корпус тоже постановил (по предложению 1-ой роты) провести однодневную голодовку и деньги, за этот день съэкономленные, послать голодающим в Россию. Кухня в этот день бездействовала, огни в печах потушены. Был конец лета, были каникулы, мы были свободны и предоставлены самим себе. В садах было полно фруктов, в полях созревала кукуруза, картошка. Соблазн был велик, голод давал себя знать и большинство из нас не выдержали и пошли «промышлять». Наша компания в несколько человек, раздобыв то, что могли дать окружающие поля и сады, забрались подальше в лес, развели костер и устроили пиршество. Воровством это у нас не считалось, скорее молодечеством; ведь какое же воровство для мальчишек залезть в чужой сад!

Вечером этого дня я проходил мимо директорского барака. Дед сидел у окна и подозвал меня. «Ты ел сегодня?» спросил он меня. «Никак нет, Ваше Превосходительство», отвечал я. «Говори правду!» — «Ел яблоки», частично признался я. «Лазил в чужой сад?» Я промолчал. «Это нехорошо, главное же не это, а то, что не сдержал обязательства, взятого всеми на-

ми». Он помолчал. «Ну, а сейчас голодный?» Я не отрицал. «Я тоже голодный», продолжал он, «но решил выдержать, а мои дочки соблазняют меня пирожками, принесли целое блюдо. Возьми их от греха подальше. Да не съешь все сам, поделись с другими. А блюдо принеси обратно, а то дочки будут ругаться». Это, конечно, не точная передача разговора, а так, как она осталась в памяти.

В начале моего 6-го класса, уже в Белой Церкви, я пережил большую неприятность, которая чуть не изменила течение всей моей дальнейшей жизни. Старшим кадетом выпускного класса «Владикавказцев», только что принявшим бразды правления от окончившего выпуска, был издан приказ по кадетской линии, в котором говорилось о товариществе и особенно напиралось на то, что драки и кулачная расправа должны исчезнуть из нашей жизни, а если таковые случаи будут иметь место, то они будут караться особенно строго **).

На следующий день после этого приказа, я в запальчивости, забыв про приказ, не будучи драчуном по натуре, ударил моего одноклассника. Он уже несколько дней дразнил меня, приставая с какой-то глупой, казавшейся мне обидной, шуткой. Чем больше я раздражался и просил его отстать от меня, тем больше он приставал ко мне. Мой приятель, наблюдавший это, тоже возмутился и после меня тоже его ударил. На следующий день по постановлению Старшего кадета мы были объявлены на «красном положении», т. е. нашим одноклассникам было приказано не говорить с нами, и на наши вопросы отвечать молчанием.

Это было большое и, как нам казалось, незаслуженное и оскорбительное наказание. Мы решили уходить из корпуса, о чем во всеуслышание заявили нашему воспитателю и ротному командиру. Мы считали, что т. к. у нас нет родителей, а нам уже семнадцать лет, то мы сами можем распоряжаться своей судьбой. Мы собирались ехать в кавалерийскую дивизию, которая в это время, приехав в Югославию из Галлиполи, находилась на постройке шоссейных дорог в Южной Сербии. Там мы предполагали поступить в ячейку одного из кавалерийских полков — это нам тогда казалось очень шикарно. Мы перестали ходить на уроки, а вместо этого отправлялись гулять в город. Один раз вернулись довольно подвыпившими.

**) Все мы тогда, по глупости. вместо того. чтобы жить дружно общей кадетской семьей, делились на "старых кадет" — Владикавказцев и Полтавцев и небольшую группу просто "Крымцев". поступивших в корпус уже заграницей. Каждая группа имела своего традиционного Старшего кадета или "генерала".

Видя какой оборот принимает дело, Старший кадет снял с нас «красное положение». Наши одноклассники начали нас уговаривать оставаться в корпусе, но мы заупрямились и не хотели отступать. Нас вызвал к себе директор, с каждым говорил по отдельности. Со мной он говорил больше часа. Говорил не как строгий начальник, а как ласковый дедушка со своим, делающим глупости, внуком. Он говорил, что т. к. у меня родителей нет, то он заменяет их и несет за меня ответственность. Говорил, что если я теперь уйду из корпуса, то можно с уверенностью сказать, что я никогда не кончу среднего образования. Говорил, что война с большевиками временно (тогда мы все так думали) закончилась, что солдаты в данный момент не нужны; что молодежь из полков наоборот стремится попасть в университеты; что России нужны будут образованные и интеллигентные люди, а не недоучки. Говорил, что у каждого в жизни бывают неприятности и что через это нужно уметь пройти, а не легкомысленно ломать и портить свою жизнь.

Он нас уговорил и мы в конце концов остались.

Вполне справедливо, за наши вольности и нарушение дисциплины балл за поведение был нам сбавлен на двойку (по двенадцатибальной системе), но, правда, потом наш нормальный балл был скоро восстановлен.

Я окончил корпус, а в дальнейшем и университет. Мой приятель был Старшим кадетом 2-го выпуска Крымского корпуса, потом окончил Югославянское Военное училище и стал офицером. И в этом заслуга, в первую очередь, нашего «Деда».

В одной из советских биографий Тухачевского, который в 1912 году окончил 1-ый Московский корпус, мы читаем: «Директором Первого Московского кад. корпуса был В. В. Римский-Корсаков, родственник композитора, просвещенный генерал и благодаря ему корпус — одно из старейших военно-учебных заведений России — стал учебным заведением, по уровню знаний своих воспитанников, превосходящим гимназии и реальные училища». («Тухачевский». Лев Никулин. Москва. 1964 г. Стр. 24). Даже правоверный советский писатель не посмел в него бросить камень.

Эту выдержку я привожу как курьез. Их похвала, — для нас не похвала. Мы и без них знаем, кем был для нас «Дед» — генерал В. В. Римский-Корсаков и каковы его заслуги перед Россией.

Борис Павлов (Кр.К.К.)

ПОДЗЕМНЫЙ ХОД

И этот страх меня оставил
Когда у старого фонтана
Несчастный Император Павел
Мне улыбнулся из тумана.
Н. Чухнов

В 1802-ом году, в здании построенном великим Растрелли, основан Пажеский Е. И. В. Корпус. Замыкая квадрат внутренняго двора корпуса, высится портик, опирающийся на колонны, увенчанный, на красном фоне стены белым крестом мальтийских рыцарей, католического костела.

Великий Магистр Ордена Мальтийских Рыцарей, Император Павел, принявший орден под свою руку, приютил католических рыцарей в своей столице, в здании будущего Пажеского корпуса, спасая мальтийцев от нашествия сначала французов, революционной Директории, а затем долгий срок опекая их от англичан, захвативших остров.

Задняя стена костела, полукруглой башней алтаря выходит в «Пажеский сад».

В красной, выпуклой стене алтаря, смотрят на клены и липы старого парка узкие и высокие готические окна, а вровень с землей дышат затхлостью квадратные, забранные решетками, подвальные отдушины.

Дворец мальтийских рыцарей расположен не далеко от дворца Императора Павла, непожелавшего обитать в роскошном Зимнем Дворце, предпочитая близкую своему духу полукрепость.

Мрачный, из серого финского гранита, Инженерный Замок, олицетворение туманного Петербурга. Балтийский туман обволакивает гранитную столицу и проникает в торжественно-печальные залы замка.

Император Павел управлял огромной Империей из Инженерного Замка. Отсюда, поняв постоянную опасность для России английской политики, вышла идея казачьего похода в направлении Персидского залива. История доказала гениальность имперской политики несчастного, непонятого императора, погибшего от рук английских агентов.

У пажей и юнкеров Инженерного Замка была уверенность в существовании связи через подземный ход между мрачным, гранитным дворцом Императора Павла и католическим костелом дворца мальтийских рыцарей в российской столице.

Выламывая решетки отдушин под костелом, пажи пытались проникнуть в мрачные и опасные галлереи, где от болотного газа тухли факелы и вода петербургского болота, годами разрушая своды, накоплялась на полу. Историческим исследованиям положил конец директор корпуса, приказав замуровать вход в галлерею.

Юнкера Николаевского Инженерного училища тоже принуждены были оставить свои попытки найти потайной ход. Выстукивая капитальные, толстые стены Инженерного Замка, заметили полный звук. С энтузиазмом, вооружившись кирками, открыли брешь в стене и . . . оказались в детской отпрысков начальника училища.

И пажи и юнкера верили ходившей по старому Петербургу легенде очень похожей на действительность, по которой, чувствуя опасность от чужеземных агентов и предателей из своего окружения, приказал Император Павел сделать потайной ход из своей спальни и, проведя его под Итальянской улицей, Невским проспектом и Толмазовым переулком, окончить в костеле преданных Императору Мальтийских рыцарей. Потайной ход начинался скрытым под ковром люком, открывавшимся нажимом каблука в определенном месте.

По легенде, или это так и было, группа предателей, во главе с английским агентом графом Пален, ворвались в спальню Императора, застала его в шлафроке и ночных туфлях. Император подбежал к люку и был бы спасен, если бы был в сапогах с каблуками. Кнопка люка не поддалась нажиму ночной, мягкой туфли и люк не открылся. Английская политика торжествовала, а Россия позорно потеряла странного, но мистически прозорливого императора.

Андрей Бертельс-Меньшой (2. в. К. К. К.)

ПЕРВЫЕ СТУДЕНТЫ

После окончания выпускных экзаменов, все лето 1921 г. прошло у нас в Сараево в довольно подавленном настроении. Вопрос о том, что делать после выпуска, впервые встал перед нами во всем своем объеме. Живя в корпусе и в России, и в Югославии, даже в самые тревожные и тяжелые дни мы знали, что кто-то о нас позаботится и решит все вопросы. Теперь же мы были предоставлены самим себе и, с момента выезда из корпуса, могли рассчитывать только на свои собственные си-

лы. Не было также перед нами опыта предыдущих выпусков: мы были первыми, кому пришлось пробивать себе дорогу в жизнь в чужой стране, где и без нас было много нуждавшихся в помощи и поддержке.

Выпуск наш разбился на две неравные части. Одна решила идти в Николаевское кавал. училище, которое было принято в Королевство С.Х.С. и должно было прибыть в страну поздней осенью. Для них еще не вставало никаких тяжелых вопросов и на ближайшие два года их судьба была обеспеченной. Меньшая часть выпуска, в которой был и я, приняли решение поступить в Белградский университет. Такое решение многие приняли после долгих колебаний и только после того, как все остальные пути оказались закрытыми. В «Войну Академию» в Белграде нас не принимали, поступление в Сергиевское и в другие русские воен. училища, прибывавшие в Болгарию, оказалось невозможным, т. к. въезд туда из Югославии был в то время неосуществим. Была мысль о поступлении в югославскую подофицерскую школу, но на письменном запросе корпуса на эту тему, полк. Базаревич, пом. военного агента, сделла надпись: «Ввиду решения сербов организовать принципиальное военное училище, отправить кадет не идущих в университет — туда». Загадочно и непонятно, причем сам ген. Адамович признал, что и он не понимает эту резолюцию. Были и другие планы, но все они оказались неисполнимыми и постепенно пришлось примириться с мыслью о поступлении в университет. Добавлю, что все мы твердо верили, что скоро снова начнется освободительеая борьба в России, что ген. Врангель скоро нас позовет и что наше «штатское» положение, это лишь временная невзгода, которую надо перетерпеть.

В начале сентября полк. Розанов отправился в Белград, хлопотать о нашем приеме в университет. Скоро туда же поехал и ген. Адамович по делам корпуса. Розанов затребовал наши атестаты, которые повез ему в. ун. оф. Марков. Розанов вернулся 12 сент. и рассказал, что общежития для студентов не готовы и что они живут в совершенно примитивных условиях. Что касается приема нас в университет, то прошения наши поданы, но решение будет принято позже.

Ген. Адамович вернулся 22 сент. и вечером сообщил о нашей судьбе: мы, идущие в университет, поедем в Белград 30 сент., а буд. юнкера останутся в корпусе до приезда пз Болгарии военного училища. Мы уже больше не именовались 1-ой ротой, а превратились в «ывпускные взводы» — 1-й юнкер-

ский, под командой в. фельд. С. Тарасенко, и 2-й студенческий, в котором старшим назначили меня. В корпусе уже все было по новому: 2-я ртоа стала 1-й и перешла в наши помещения, а нас перевели в другие. Дежурства в. унт. офицеров отменялись и, вместо них, от новой 1-й роты назначались «старшие кадеты, дежурные по корпусу». 26 сент. начались приемные экзамены для поступающихъ в корпус и нам пришлось в последний раз нести дежурства по приему приехавших у входа в зал.

29 сент. был последним днем нашего пребывания в корпусе. Настроение у нас было похоронное, трудно было примириться с мыслью о том, что завтра мы уже не будем кадетами. В 7 ч. вечера в зале был напусттвенный молебен для нас, уезжающих в Белград. Ген. Адамович произнес речь на тему о том, что корпус выпускает в жизнь новый выпуск, который помог ему, директору, привести корпус в старый вид и дай Бог, чтобы третий выпуск продолжил нашу работу. После этого, ген. Адамович произвел в в. унт. офицеры Д. Генбачева из нового 7-го класса и назначил его исполнять обязанности в. фельдфебеля. Затем, наш «студенческий» взвод, насчитывавший тогда 16 чел., был вызван вперед и, после молебна, батюшка о. Сергий Троицкий, благословил нас, сказал напутственное слово и нам дали возможность попрощаться с другими кадетами, а потом с педагогами.

В пятницу 30-го сент., нас подняли в 6 ч. утра. Выпив чаю, пошли на вокзал. Провожать нас явились 1-я и 2-я роты в полном составе и юнкерский выпускной взвод, так что вся платформа была занята кадетским строем. Нам отвели отдельную половину вагона и, когда все устроились, в последний раз, по желанию кадет я обратился к ген. Адамовичу со словами благодарности за все заботы о нас.

Наконец, поезд тронулся под оглушительное ура провожающих. Сразу в вагоне, по общему желанию, я подошел к киевлянам и предложил им положить конец нашей розни и объединиться в одну дружную кадетскую семью. На это сразу же последовало согласие и, с этой минуты, никто и никогда уже не вспоминал о том, что нас разделяло в корпусе. В Босанском Броде пересели на другой поезд и там присоединились к нам 2 серба, юнкера Военной Академии. Появилось вино, пели песни, но настроение все же было у нас подавленное, т. к. мы вступали в жизнь, имея от корпуса всего лишь по 20 дин. и по куску хлеба; это было все, что корпус смог дать нам на дорогу и мы знали, что больше он дать не мог. Будущее было туманно и мы ехали на полную неизвестность.

В Белград приехали 1 октября, в 6 ч. утра. Наняв подводу для вещей, отправились в общежитие на Делиградской улице, вблизи площади Славия. Там встретили нас наш Марков и В. И. Щучкин, студент, тов. председателя Союза Рус. Студентов. Впечатление от общежития было ужасным. Это были запущенные деревянные бараки с прогнившим полом, двери были поломаны, окна без стекол, крыша с большими дырами. Располагаться и спать пришлось прямо на полу, т. к. не было никакого подобия кроватей. Под полом были крысы и масса тараканов, а ночью в барак влезла какая-то белая лошадь. От 20 дин. у каждого оставалось очень мало; весь день мы ели лишь хлеб из корпуса, а вечером пошли в сербскую «народну куйну», где цены были очень дешевые.

Начиная с утра 2 октября, все время у нас уходило на хождение по разным комитетам и учреждениям в поисках денег, т. к. стипендию нам могли дать только после принятия в университет, а этот вопрос был еще далек от разрешения. От всей нашей группы ходатаями были Кошелев, Сохацкий, Гейштор и я; обращались за помощью к нашему военному агенту, в Держав. Комиссию и к г. Ненадичу, министру Двора и председателю Русско-Сербского Друштва помощи русским учащимся. Во всех этих местах, время от времени, удавалось добиться помощи в размере от 30 до 80 дин. на каждого, а также и аванс в Держ. Комиссии в счет будущей стипендии; у Ненадича смогли также получить и одеяла. Стало немного легче, но ненадолго, так что скоро пришлось искать заработок. Службу найти было немыслимо и мы пошли на черную работу; помню, что это была постройка дома на Чика Любиной улице, в строительной Компании «Феникс». Носили на носилках кирпичи, потом подавали их «носачам», потом крутили ворот машины, которая подавала кирпичи наверх. Работа очень тяжелая с непривычки. Кирпичи ранили кожу на ладонях, ходить с грузом по мосткам и на лесах было тяжело, а дышать приходилось кирпичной пылью; скоро заметили, что местные рабочие не проявляют никакой прыти, и мы стали также, как и они, пользоваться каждым случаем, чтобы только делать вид, что работаем. Дневная плата была 25 дин., но в первый же вечер мы были так разбиты физически, что многие отказались от работы и стали подыскивать что-либо полегче. Некоторые устроились пилить дрова, другие на очистку улиц от осенней грязи, а мне и еще трем кадетам удалось немного позже поступить «подавальщиками» в русский ресторан Машкова, на очень хороших условиях.

Что касается нашего поступления в университет, то сначала нам сказали, что кадет туда не примут, считая наш курс образования ниже реального училища. Насколько нам было известно, такое решение было принято на основании отзыва, исходившего из русских кругов, недоброжелательно настроенных к нашей Армии. 6-го октября уже прошел слух, что вообще не примут никого из русских, т. к. подано свыше 6000 прошений и из них почти 1000 русских.

Положение наше оставалось неопределенным. Т. к. в университет нас еще не принимали, мы не могли получить стипендию, а главное — право на жительство в Белграде, и нас уже хотели выселять из города. Мы подали прошение воен. агенту, ген. Потоцкому, а он Министерству Внутр. Дел, которое разрешило нам пребывание в городе до 16-10, т. к. вопрос с университетом должен был решиться 14-го. Но когда настало это число, нам в университете сказали, что никого из кадет не примут на агрономический факультет, а на технический — вообще никого из русских. Одновременно, в Белград приехал проф. Пио-Ульский и сообщил, что в Загреб и в Любляну можно поступить вольнослушателями и что будет возбуждено ходатайство о принятии нас студентами, что давало право на стипендию в 400 д. а не 250, как всем беженцам. Почти все кадеты решили ехать в Любляну, но кое кто предпочел Загреб.

В корпус мы писали о нашей незавидной судьбе и даже послали паническую телеграмму, но ген. Адамович ответил тоже телеграммой, что все должно устроиться . . . но в корпус возвращаться нельзя. Мы это, впрочем, и сами понимали. Но в пятницу, 21-10, ген. Адамович сам приехал в Белград по делам корпуса. Когда мы об этом узнали, у нас началась паника, т. к. многие продолжали ходить в кадетской форме с погонами. К нам он зашел на следующий день и когда мы ему подробно рассказали обо всем, когда он увидел наше полуразрушенное общежитие, он был всем этим очень огорчен. Всеми силами обещал помочь и купил для нас несколько кило колбасы и хлеба. Наконец, 23 окт. он зашел снова и сообщил, что нас в университет примут на философский факультет, физико-математич. или химическое отделение, откуда через год можно было перейти на технический или агрономический факультеты. Кроме того сообщил, что в связи с этим, Державная Комиссия выдаст нам завтра стипендии как студентам, с вычетом аванса в 150 д. Адамович дал мне записку к г. Орешкову и на следующий день я пошел в Держав. Комиссию на Негушевой ул. 42, которая в русской среде называлась «чека».

Ген. Адамович предложил Маркову и мне придти вечером следующего дня в ту же «чека» и подождать его до конца заседания Высшего Совета Держ. Комиссии. Когда он вышел, мы узнали что утверждена новая смета в 170.000 дин. в месяц на содержание корпуса, по 7,50 дин. в день на каждого кадета; аттестат за 7 классов корпуса признали равным реальному училищу и это значительно укрепило наше положение, т. к. там присутствовал офиц. представитель Министерства Народ. Просвещения. Оттуда мы проводили ген. Адамовича на телеграф и он отправил в корпус длинную телеграмму об этом. Но хотя это решение было для нас очень важным, оно все же не разрешало всех вопросов и потребовалось вскоре создание в корпусах 8-го класса, чтобы полностью устранить все препятствия.

Одновременно с этим, окончилось действие временного разрешения на право жительства в Белграде, со всеми полученными отсрочками. Наше положение сделалось нелегальным и это могло кончиться только с получением студенческих документов. Но когда это произошло, то почти никто из нас не пошел в Городскую Управу для получения так наз. «дозволы»; отчасти по небрежности и из-за лени, но также и потому, что считали студенческий билет достаточным документом для проживания в столице. На самом деле это было не так, но мы тогда этого не знали.

Наши бараки постепенно наполнялись новыми студентами, разного возраста и положения в прошлом, но в большинтве бывшие добровльоцы, еще ходившие в военной форме. Среди них была группа кадет 1-го вып. Крымского корпуса: помню Васильева, Р. Попова, Федянина, Жежеленко и других. Была также большая группа гардемарин, прибывших с Дальнего Востока на «Орле» и «Якуте». Со всеми ними сразу же установились товарищеские отношения и тесная связь, вплоть до того, что в длаьнейшем нас всех уже считали одной единой группой.

Но когда 28-10 мы вместе с Крымцами отправились в университет, чтобы подать прошения на философский факультет (не помню уж, какие по счету прошения!), произошло крупное недоразумение. Оказалось, что раньше нас появилась вся гардемаринская группа и подала чуть ли не полсотни прошений, заявив что они тоже кадеты. Когда пришли мы, то в Деканате от нас уже в ужасе открещивались: «Сколько же вас, в конце концов?» Пришлось опять выяснять, хлопотать и доказывать наши права. С этих пор, по просьбе Крымцев, во

всех наших делах мы уже выступали, как единая Сараевско-Крымская кадетская группа; нас было не менее 30-35 человек, т. к. к первоначальному составу все время прибавлялись опоздавшие. На следующий день с утра опять пошли в университет, но проф. Билимович сказал, чтобы мы и Крымцы составили список и пришли с ним в понедельник, 31-10. Денег у нас уже не было и пришлось продавать кое какое белье и одежду.

В понедельник, с 9 ч. утра, опять дежурили в университете. Шла разборка прошений деканом и проф. Билимовичем и, постепенно, собралась вся толпа русских, подавших прошения. К 12 ч. утра служащая Деканата (которую почему-то называли «Елица, коварная женщина»), сказала, что кадет приняли, но что декан уже ушел и надо опять ждать до завтра. Наконец, когда наступило это долгожданное завтра, мы увидели вывешенный список принятых на философский факультет. Всего было 127 чел., среди них все кадеты и гардемарины. Но после того, как мы заполнили опросные листы, пришлось опять ждать несколько дней получения студенческих документов; только 4 ноября нам, наконец выдали студенческие билеты и лекционные книжки, так наз. «джачки листы» и «индексы». К этому времени мы остались уже совершенно без денег, а стипендию должны были выдать только через 12-15 дней. Т. к. попытки получить новый аванс в «чека» успехом не увенчались, белья и вещей для продажи почти не было, а черная работа многим оказалась не по силам, то решили написать слезное письмо ген. Адамовичу и отправили его с полк. Розановым, который приезжал на один день. Через три дня получили от Адамовича телеграмму, в которой он сообщал, что высылает с Ракитиным по 150 дин. на человека. Как мы узнали вскоре, эти деньги были экономией, образовавшейся оттого, что кадеты в корпусе отказались в нашу пользу от мясного блюда в течение недели. Мы были очень тронуты этим товарищеским жестом. Он показал нам, что несмотря на наш отъезд, несмотря на растояние, корпус продолжает заменять нам семью и что мы никогда не сделаемся для него чужими.

Лекции в университете мы сначала начали посещать довольно прилежно, но постепенно большинство от этого отстало. Главной причиной были совершенно примитивные условия жизни в бщежитии, где обстановка не располагала к занятиям. В начлае весны 1922 г. бараки на Делиградской улице были ликвидированы и все студенты были переселены в другие

помещения, в частности на Кр. Александра 30, в какой-то запущенный дом, который к тому же оказался уже переполненным до отказа русскими студентами. Единственным выходом оказалось для нас поселиться в большой палатке, которую поставили во дворе и где заниматься было уже совершенно невозможно. Вот здесь, в этой палатке и в подвале этого дома и было создано первое Объединение, был выработан Устав и избрано первое Правление. Все это было сделано, как я уже об этом писал, для того чтобы наша кадетская группа могла бы успешнее защищать свои жизненные интересы в среде многочисленного русского студенчества и бороться против всех происков и вредных влияний со всех сторон.

После нескольких месяцев пребывания в палатке нам сообщили, что для нас готово общежитие на углу Неманьиной улицы и Милоша Великого, против Военной Академии. Это было двухэтажное здание, стоявшее среди большого двора. Верхний этаж занимали жандармы, а внизу жили мы, причем когда наверху мыли полы, то вода текла через потолок на наши кровати и вещи. В этом общежитии расселили гл. образом военную молодежь: две комнаты занимали мы, кадеты Сараевцы, напротив, через коридор, жили конно-артиллеристы, другие комнаты занимали кадеты Крымцы, гардемарины и добровольцы различных частей, почти все офицеры. Среди студентов было несколько полковников и даже один геенрал-майор, а офицеров младших чинов было бесконечное количество. В том же помещении самая большая комната была отведена под будущую столовую Союза Студентов; когда она была открыта, то очень скоро в ней были обнаружены крупные злоупотребления, в раскрытии которых наше юное кадетское Объединение сыграло ведущую роль и было поддержано и гардемаринами, и подавляющим большинством студентов.

Несмотря на очень неблагоприятные условия нашей жизни, некоторые из нас все же взяли себя в руки, посещали лекции и учились. Нескольким кадетам удалось выехать в Бельгию и получить там стипендии в старинных университетах Лувена и Гента. Кое кто нашел частную службу, а остальные делали вид что учатся, с грехом пополам сдавали зачеты, так наз. «коллоквиумы», без чего терялось право на студенческую стипендию, но старались как-то иначе устроить свою жизнь, чтобы вырваться из опостылевшего общежития.

Белград тех лет, т. е. 1921-22 г.г., еще хранил много следов разрушений, причиненных войной 1914 года. Особенно много

было разрушений на улицах Карaджорджевой, Милоша Великого, площади Зелени Венац и по всему побережью Савы. Железнодорожный мост через Саву, из Белграда в Земун, еще не был починен окончательно и поезда проходили по нему медленно и осторожно. Город в то время еще не расширился так, как это произошло позже. Высокие здания были лишь в самом центре, где высились отель и ресторан «Москва», королевский дворец и еще кое-какие более крупные постройки. Что особенно удивляло и радовало нас, это многочисленные напоминания о былом значении и роли России: улицы Московская и Орловская, кафаны и рестораны Москва, Руска Круна, Руски Цар, Генерал Гурко и др. Во многих кафанах и народных столовых, на почетных местах висели портреты Императоров Александра II и Александра III, Николая II и Государыни, Королевичей Александра и Георгія в русских формах пажей и, кажется, правоведов. Все это вызывало в наших душах смешанные чувства. И гордости за прошлое нашей родины, и бесконечной грусти и стыда за все то, что произошло за последние годы.

Русских было очень много, но положение их было далеко не одинаковое. Были и офицеры, и штатские, хорошо одетые, обладавшие средствами и проводившие дни и ночи в ресторанах, окруженные спутниками и спутницами. Деньги тратились без счета, вино и водка лились рекой. Но, наряду с этим, еще больше было и семейных, и одиноких, у кого не быол ни средств, ни имущества, но имевших только то, что на них было одето. Особенно безотрадное впечатление произвело на меня знаменитое русское общежитие на Краля Александра 130, которое беженцы называли «страна чудес, край благодатный». Общежитие занимало бывший трамвайный парк; трудно было себе представить более грустное и непрвиетливое зрелище! Часть беженцев помещалась под крышей депо, но половина жила в поломанных и испорченных трамвайных вагонах, а некоторые ночевали просто под открытым небом. Бедность, голод, насекомые — когда мы с моим спутником Плаховым посмотрели на все это, нам стало стыдно за то, что мы так сетовали на свою собственную судьбу.

А. Росселевич.

Воспоминания

ЧАСТЬ II

2. СТРНИЩЕ (СВЕТИ ЛАУРЕНАЦ)

Крымский Кадетский Корпус

Приступая к описанию моего пребывания в первом классе, но уже в Крымском корпусе, в Стрнище, обращаю внимание читателя на то, что я не беру на себя роль судьи. Она мне не по плечу. Для нее самому надо быть безгрешным. А мне до этого далеко. Если же кто-нибудь из читателей усмотрит намеки на осуждение, то я тут не при чем: эти суждения не мои, а того маленького первоклассника «Булки», который запечатлел все по своему, детскими глазами. С ним прошу и производить расчет. А что можно взять с ребенка?

Также у меня нет желания очернить кого-либо из моих бывших товарищей. Но мне хочется передать, как можно точнее и плохие и хорошие стороны того лихого времени, которое мы пережили. Многое, а главное имена и фамилии, забылось. Поэтому очень трудно оперировать с сохранившимися в памяти фактами, чтобы не приписать кому-либо из упоминаемых мною чего-либо лишнего. Получилась бы путаница, а кто-либо, в сердцах, назвал бы меня лгуном.

Для этого мне иногда приходится прибегать к «сборной» личности. Типом для нее послужил «Кирюшка». Дальнейшая судьба этого юнца мне неизвестна, но я надеюсь, что он где-то благополучно здравствует и не рассердится на меня, что я для своей цели употребил его прозвище, иногда приписывая ему чужие грехи и подтасовывая факты, которые быть может относятся к другим, которые, читая мои строки, будут подсмеиваться. В конечном итоге «быль молодцу не в укор». Винить его не приходится: лихим временам соответствуют и лихие деяния.

Теперь, на старости лет, я могу его заверить, что он мне также дорог, как и мои самые близкие друзья Шурка Брешков-

ский, Ревишин, или перевединеся в Донской корпус Вова Шевченко и Сиркс. Все мы составляли одно целое, по сути не плохое, но иногда и уредливое в связи с переживаемой эпохой.

Если среди читателей найдутся и такие, которые взгруснут, жалея ушедшее детство, чур меня не ругать. Пусть ругают Глебку Сперанского: он, как лукавый, навел меня на этот грех, воскресить ушедшее прошлое.

Если читатель сам когда-либо был первоклассником, а он был, то все в порядке: он поймет и не осудит.

Последняя пересадка в Зиданом Мосту, и поезд набирает скорость по направлению к Птую. Там где-то, не доезжая его, расположилось словенское село Св. Лаврентия, оно же и Стрнище. Там в бывших бараках для русских военнопленных размещены два кадетских корпуса: Крымский и Донской. Мы с братом едем в Крымский, куда после эвакуации влился и наш Феодосийский интернат.

Прошло уже несколько месяцев после эвакуации Крыма. Еще один пропущеный учебный год. Но я почему-то верю, что меня должны принять во второй класс. Я не могу примириться с мыслью, что отстану от своих . . .

Поезд замедляет ход и на какое-то мгновение останавливается у полустанка. Вовремя предупрежденные кондуктором мы «пулей» вылетаем на перрон. И очень кстати, ибо поезд уже продолжает свой путь. На полустанке мы не одни. Тут оказывается еще несколько таких же мальцов. Перешитые и переделанные мамиными руками английские френчи и шинели указывают на то, что все мы относимся к одному и тому же могучему племени, теперь развеянному пожаром революции по разным заморским странам. Некоторые в сопровождении родителей.

Необходимые нам сведения получаем от какого-то железнодорожника на непонятном словенском языке и теперь уже все вместе движемся в указанном направлении. Справа от нас огромное кладбище с рядами деревянных крестов. Это могилы воинов сражавшихся «За Веру, Царя и Отечество». Снимаем шапки, фуражки и шляпы и, молча, крестимся.

Идем по ровному полю, окруженному хвойным лесом. Правда, на наш лес он мало похож, не походит и на рощу. Это скорее парковое насаждение хвойных деревьев с прямыми, довольно широкими, просеками. Создается впечатление, что дерево от дерева удалено на одинаковое расстояние и что весь лес разбит на правильные прямоугольники.

По обе стороны дороги, все до границ леса тянутся поля местных крестьян, засаженные кормовой репой, а дальше, за ними видны темные пятна крыш бараков. Кажется и конца им нет. Бараки, бараки и бараки. Это цель нашего пути. В них приютились корпуса: слева, упираясь в самый лес, Донской и правее от него Крымский.

По пути знакомлюсь с неким Крутиковым, сыном морского офицера. Неожиданно встречаю среди приехавших и Алешу Васильева, как и я екатеринославца, с которым познакомился еще во время эвакуации, на пароходе.

С первых же шагов нашего пути он все время уговаривает меня записаться в Полтавский корпус. Надо предполагать, что этот вопрос больше всего его беспокоит. Со своей стороны я задаю ему вопросы, на которые он не умеет ответить. У меня в голове путаница, а, вероятно, и у него ибо он мне не может объяснить, почему именно Полтавский, когда здесь только два: Крымский и Донской. Где нам надо искать Полтавский, он не знает. Кто-то из старших, как бы желая нам помочь объясняет, что Крымский составлен из двух, Полтваского и Владикавказского. Теперь уже я совсем удручен ибо не знаю, где находится мой Феодосийский интернат?

Наконец мы доходим до первых бараков и оказывается попадаем в самую точку. Здесь производится прием новоприбывших в Крымский корпус. Здесь происходит что-то на подобие экзамена и выносится решение, кого определить в какой класс. Васильев нервничает пытается что-то предпринять, но, очевидно, не знает, как это сделать и к кому обратиться. Потом, набравшись храбрости и, потянув меня за собою, обращается к какому-то полковнику с просьбой, чтоб нас обоих зачислили в Полтавский корпус. Полковнику не до шуток, он на миг отрывается от своей работы, смотрит на нас не то с сожалением не то с иронией и, как бы отмахиваясь от нас рукою в неопределенном направлении, выцеживает:

— Это вы уж там записывайтесь.

Где «там» он не говорит и продолжает что-то записывать. Алеша нервничает, видно что это «там» не на шутку его беспокоит. А меня беспокоит другое: оказывается нас будут экзаменовать и только после этого распределят по классам. «Неужели же я провалюсь и отстану от своих одноклассников?» В пользу этого предположения у меня все данные.

Фактически у меня нет никаких, даже самых основных знаний. То, что когда-то учил совсем забылось. В Феодосии заня-

тия в классах сводились к пустому препровождению времени и играм на переменках. А по приезде в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев уже совсем было не до занятий.

Все же стараюсь обнадежить себя и припомнить, что я, фактически, знаю. Оказывается — ничего или очень мало. Из географии, что Россия занимает одну шестую части света, что Феодосия находится в Крыму, а этот последний является полуостровом в Черном море, что мы находимся сейчас на Балканах, которые опять же находятся на юге Европы, что есть здесь город Загреб (о Белграде я не слышал) и Зидани Мост, где недавно была железнодорожная пересадка и что где-то в Боснии есть рудник железа Любия, на котором работает мой отец. Конечно, знаю еще целый ряд европейских государств, знаю что где-то находится Новый Свет и там живут индейцы и ковбои.

Затем умею читать и писать; последнее с большим количеством грамматических ошибок. Помню десяток стихотворений и несколько романсов Вертинского.

Из математики мне известно, что существует четыре арифметических действия, но о трех из них у меня очень смутные представления. Остается надеяться на то, чтобы повезло, и я получил бы «что-либо» из сложения. Правда я знаю таблицу умножения особенно хорошо, когда дело касается пяти или десяти.

Больше всего меня беспокоят задачи. Мне совершенно все равно из каких задачников будут их мне задавать, из Малинина и Буренина или из «Пупкина». Со всеми задачниками у меня нелады и по-моему всех их составило одно и то же лицо, до того все они однообразны. Всюду почему-то фигурируют яблоки, орехи, как будто только для этого они и растут. А все эти родственники, которые занимаются разрезанием яблок на несколько частей и потом милостиво раздают детям, очевидно, являются одной и той же семьей, ибо других я в жизни не видел и не встречал. Также очень скверно влияют на меня аршины, бархат и обязательно сукно и ситец почему-то всегда красного и черного цвета, точно в России не было других цветов и материалов? Мне казалось, что все эти составители задачников собираются нас сделать или приказчиками мануфактурных лавок или в лучшем случае купцами.

В то время я еще не догадывался, что это только начало инквизиции, хотя уже был знаком с пословицей «чем дальше в лес — тем больше дров». Я еще не знал о существовании в них поездов и басейнов которые, в будущем, с лихвой, отравят

мне жизнь. Поезда, вечно, шатающиеся между обязательными станциями А и Б. Железнодорожником стать я тоже не собирался, хотя роль стрелочника не миновала меня в жизни. А потом эти удивительные бассейны с бесконечным числом входных и выходных труб с втекающей и вытекающей водой. Точно решили весь свет превратить в сплошной «свимингпул». И откуда их только берут? Правда, теперь, уже здесь, в Америке, я сожалею, что не освоил эту «водопроводную» науку, ибо со званием водопроводчика не только что жить легче, но и умереть можно без волнений и хлопот, будучи уверенным в том, что для похорон найдутся средства. В конечном итоге эти две профессии, погребальная и водопроводная, являются самыми выгодными. Тогда же к сожалению, я об этом и не думал, а мечтал стать лихим гусаром.

Толчек в бок отрывает меня от моих мыслей: вызывают в экзаменационную. Экзаменующий задает попеременно вопросы, то мне, то Васильеву. Я отвечаю не задумываясь и даже, по моему мнению, хорошо декламирую «Бонапарта и Черногорцев». Во всяком случае я собою доволен. Слава Богу, перед экзаменующим нет никаких задачников. Он мне предлагает помножить два двузначных числа. Теперь мне ясно, что умножение я забыл. Проще бы было сложить. И я бы сделал это хорошо. В этом я уверен. И зачем ему надо было задавать умножение? А если уж так ему хотелось, то не проще ли бы было задать вопрос из таблицы умножения. Пока я размышляю об этом, экзаменующий, на зло мне старается уверить меня, что умножения я не знаю. Просто стучится в открытую дверь.

Он так удивленно смотрит на мои «операции», что мне уже совсем ясно, что я проваливаюсь . . . Все же я и дальше делаю свои исчисления (не на того напал). Полученный мною результат вполне удовлетворяет меня, а очевидно и экзаменующего. Он говорит «хорошо» (а это уже что-то значит), отрывает кусок бумаги, что-то на ней пишет и ополчается на Васильева. После опять пишет, уже в продолжении написанного и выпроваживает нас в приемную.

Когда наконец, из экзаменационной вышел последний прибывший с нами, каждому из нас дают записки и направляют по назначению. Значит приняты. И у меня и у тезки (Васильева) стоит 1-2, «К кап. Жеровowичу». «Что значит *один*, а что *два*?» Васильев успокаивает меня: по его словам, это означает: «из первого во второй». Объяснение логичное, есть и единица

и двойка. И я уже радуюсь, как второклассник.

Но смущает меня записка брата, в которой стоит, 3-2. Неужели же из третьего он попадает во второй. Мне его искренно жаль. Обращаю на это вниманіе Васильева на что он, не моргнув, находит решение: или описка и надо было написать 2-3, т. е. из второго в третий или же брату по ошибке всучили не ту записку. И это кажется логичным.

В Феодосии, в интернате у нас не было отделений и понятия о них я не имел.

Наконец, нас приводят в барак пятой роты, где находятся самые младшие классы. Принимает нас капитан Мирошниченко. Барак сквозной с наставленными около стен походными койками. Справа, при входе ничем не огороженная «комната» дежурного воспітателя: такая же походная койка, около нее, что-то на подобие стола, скамья и несколько самодельных табуретов. Из новоприбывших только нас двое (Васильев и я) назначены в пятую роту. Остальные попадают в четвертую и даже кто-то в третью.

Капитан Мирошниченко забирает наши записки, вписывает в лежащую перед ним на столе книгу наши имена, а около нас уже собираются любопытные, еще перед нашим приходом бесившиеся в бараке. Как никак мы являемся чем-то достопримечательным. Если мы в Феодосии были уродливо обмундированы, то все же было какое-то единоличие. Здесь же каждый из малышей был одет, кто во что горазд, создавая впечатление не то детского маскарада, не то ряженых.

Пристально всматриваюсь в лица, и, наконец, узнаю однокашников по интернату. Почти никто не изменился. Да и измениться в нашем возрасте за несколько месяцев трудно. Кстати сказать, их совсем немного. Среди незнакомых лиц выделяется одно: курносое, грязное. Под носом короста от невысыхаемых излияний простуженного носа, потрескавшиеся уголки рта и гнойные струпики на немытых ушах. Когда обладатель этой «милой» физиономии подымает руку сжатую в кулак для того, чтобы убрать что-то липкое и зеленое текущее из носа, видно, что кулак является сплошной бородавкой. Одет он во что-то рваное и грязное до того, что невозможно распознать цвета. Один из погон оторван и болтается на пуговице, перпендикулярно свисая вниз. Фигура колоритная, заслуживающая внимания. Не раз еще мне придется к ней возвращаться. А вас читатель разрешите поближе познакомить: это и есть тот самый «Кирюшка».

Мое первое знакомство с ним было очень коротким и заклю-

чалось в двух словах: «Шамать привез?» Он был очень разочарован, что я сам все «сшамал» еще во время дороги и сейчас был голоден, как волк. Кстати, за это я получил от него «укоризненный» взгляд, не обещавший ничего хорошего, и что-то на подобие подзатыльника.

Дежурный офицер приказывает нам оставаться в бараке и ждать прихода нашего воспитателя капитана Жеровowича. После этого я уже нахожусь где-то в середине барака, окруженный несколькими товарищами по Феодосии. И им и мне хочется узнать страшно много, по этому мы перебиваем друг друга, а то, что нас интересует проходит мимо ушей. Правда, что-то и запомнилось, как то, что объяснения Васильева были ошибочные, во второй класс я так и не попал, а остался в первом. А цифра два означает отделение. Теперь уже не остается никакого сомнения, что экзамена я не выдержал. В моем отделении есть несколько моих старых товарищей, которые так же сидят в первом классе, а это уже является достаточным утешением. Правда, некоторых «по успехам» все же перевели во второй. Как оказалось позже эти «успехи» заключались в их великовозрастности. Затем мне сообщили, что наш воспитатель «душа-человек» хотя и «зверь».

К вечеру у меня уже своя койка, и я очень доволен, так как стоит она рядом с койкой Шурки Брешко-Брешковского, с которым я уже успел и подружиться. Проходом койка отделена не то от койки младшего Борисова, не то младшего Старицкого. Не смотря на то, что со многими еще не найден общий язык и посматривают они на меня свысока и надменно, держатся все же они по отношению ко мне корректно. Капитан Жерович, молодой, интересный брюнет, в пенсне с близорукими глазами сразу же мне понравился и я рад, что попал к такому воспитателю. Голос у него приятный, ласковый. К тому же он очень заботлив, выдержан и старается всегда улыбаться.

С завтрашнего дня жизнь, для меня, начнет входить в нормальную колею. Правда, еще долго многое будет мне не ясным, но время свое сделает, и через месяц-два я ничем не буду отличаться от своих сверстников. Разве только от «Кирюшки». Очень скоро у меня уже будет своя «шпана», к которой будет принадлежать и Шурка Брешковский и младший Ревишин и симпатичный черногорец Душан Вукичевич и его брат Джуро — первые югославы поступившие в наш корпус. Чему они, здесь, научатся, особенно в первое время своего пребывания, не знаю. Думаю, что немногому: «Разыгрывать» пироги и кот-

леты — непревосходимое искусство «тетки Харитины», драться с Донцами или Словенцами, красть у последних с полей репу или с «бринджалками» в руках гонять белок по геометрическим квадратам хвойного леса?

Правда, они скоро выучатся русскому языку, в совершенстве ознакомившись с богатым ответвлением его — площадной бранью — и станут узкими патриотами-шовинистами, один — «полтавцем», другой — «владикавказцем». Но где эти города находятся и что связывает их с ними, это для них останется тайной. Но это сейчас. Потом, когда все утрясется, когда корпус воспримет нормальную жизнь среднего учебного заведения, они будут довольны своей «альма-матер». Все плохое и уродливое, со временем отойдет в сторону, плохое забудется, а ни одно местное среднее учебное заведение не в состоянии так расширить умственный кругозор, как его расширяет программа кадетских корпусов. От меня не требуется восхвалять кадетские корпуса (бывали и там пробелы и минусы), но они, как никто сумели создать самую жизнеспособную и разносторонне образованную молодежь, которая с успехом выдержала (за малым исключением) все испытания, появившиеся на пути ее жизни.

Занятия еще не начались, но мы уже разбиты на классы. Всего несколько человек из моих бывших одноклассников переведены во второй класс. Хотя мне и завидно, но утешаюсь тем, что главная масса со мною. Постепенно выясняется, что часть наших из Феодосии, во время эвакуации была взята родителями. Некоторые из них очевидно остались в Крыму. Некоторые находятся в Донском корпусе, как Вова Шевченко. Донской корпус у нас под боком. Он малочислен. В нем всего около трехсот кадет, в то время как в нашем переваливает за пятьсот. Бараки Донцов примыкают к самому лесу, расположены в одну линию, в затылок друг-другу. Наши бараки более разбросаны в несколько рядов.

Свободного времени у нас хоть отбавляй и каждый заполняет его по собственному умению. Время еще летнее. Довольно жарко. В бараках не сидится, и все его обитатели проводят время на воздухе. Все разбиваются на маленькие группы, и каждая занята своим делом. Там, на дороге, безбожно подымая пыль, играют в чижа, между бараками идет футбольное состязание с импровизированным мячом из тряпок. Игра напоминает бой гладиаторов. Все правила основаны на праве сильного. Иногда этот самодельный мяч попадает в очередное окно

нашего или соседнего барака, последствием чего слышится звон и шум осколков рассыпающегося разбитого стекла, а на «зеленом поле» появляется фигура дежурного офицера-воспитателя. Обе команды, как по мановению волшебной палочки, мгновенно разлетаются, а случайно оставшиеся болельщики, оказывается, ничего не только не видели, но даже и не слышали. Все, самые тщательные, попытки «зверя» найти виновного ни к чему не приводят, и ему остается только одно «занести происшествие» в журнал дежурного офицера. На этом дело, пока что, кончается, до следующего происшествия. Если даже «зверю» повезет и ему удастся поймать какого-либо неудачливого футболиста, которому усердный бек другой команды успел подбить глаз, то и в этом случае «зверь» от него ничего не выпытает: оказывается он в футболе участия не принимал и решительно никого из кадет не видел, а глаз он подбил сам, об столб, хотя никаких столбов в близком окружении барака нет. Выдавать или фискалить на кого-либо — последнее дело. Даже трудно определить, что хуже кража или фискальство?

Где-то со стороны барака устроилась группа любителей игры в камушки. Это новая игра — целое изобретение. Пять маленьких с любовью выбранных камушков, быстрота и ловкость играющей руки и никаких других затруднений и расходов. «Дешево и сердито» к тому же и забавно. И играть можно даже в холодную и дождливую погоду в бараке пристроившись на чьей-либо койке. Кто-то занят игрой в чехарду, кто-то бесцельно слоняется по лагерю. Некоторые отправляются в старшие роты. Это обыкновенно те, у кого есть старшие братья, ибо малышам вход в бараки старших рот, по существующим правилам, запрещен, как со стороны воспитателей, так и со стороны старших кадет, чем по их мнению умаляется авторитет старших.

Собрать нас в «неурочное» время, т. е. во время не предназначенное для завтрака, обеда или ужина, просто невозможно. Да это, собственно говоря и не нужно. Но если все же случается нужда, тогда дежурные воспитатели прибегают к уловкам или хитростям: обыкновенно хватают случайную «жертву», записывают фамилию «несчастного» и приказывают гонять по целому лагерю и собирать своих одноклассников. Процедура долгая, утомительная и к желаемому результату редко когда приводит. Но зато во время обеда и ужина все на местах. Первыми, обыкновенно появляются те, которые с самого утра успев

пробраться через «заставы» Донцов в лес и набегавшись там вдоволь за белками и настрелявшись из пращей, рогаток и бринджалок, до того изголодались, что теперь с нетерпением ждут приноса бачков, за которыми на общую кухню уходят дежурные.

Приблизительно за час до обеда перед бараком общей кухни чувствуется сильное оживление, напоминающее праздничное гуляние. Из кухни вкусно пахнет стряпней неутомимой тетки Харитины. Запах как магнит притягивает к себе праздно-шатающихся. Понятно, «голод — не тетка», а окружающий воздух густо наполненный запахом смолы из хвойного леса только еще больше разжигает и увеличивает волчий кадетский аппетит. На внешней стенке барака, в котором находится кухня, уже вывешено меню на следующий день, что дает тему довольным и недовольным сегодняшним меню одобрять или критиковать завтрашний. И если в завтрашнем предвидятся котлеты и пирожки, единственные по своему незабываемому вкусу, то тут же вырабатывается план и стратегия для следующего дня, чтобы участвовать в «игре».

«Игра»? Чье это изобретение, навеки останется тайной. Но, что она основана на грубой силе, безжалостна, преступно эгоистична и является открытым грабежом, спорить не приходится. «Макарами» и «стрелочниками» всегда являются самые слабосильные, неповоротливые, застенчивые и маленькие. Хотя наш самый левофланговый «Крыса» (Черненко) редко остается голодным. Но он удивительно ловок и до того мал, что свободно умудряется пролезть, в свалках, между ногами или под животами других берущих с приступа предмет «игры». Я еще продолжительное время не буду знать вкуса котлет и пирогов. Все до того момента, когда и сам, и по нужде, увлекусь этой игрой и буду тоже «играть» как Кирюшка и другие составляющие с ним нераздельную «шпану». А пока что мне остается только молить Бога, чтобы тетка Харитина реже пекла пироги и жарила котлеты. С котлетами еще полбеды ибо к ним обязательная добавка — фасоль или т. н. «лобия». Таким образом всегда есть что-то, чем можно наполнить желудок ибо «лобия» предметом разыгрывания не является.

Ну, а с пирогами, которые дают только на ужин, форменная беда, ибо к ним полагается только чай и то без сахара. Сахар мы получаем раз в неделю. Обыкновенно это — песок и приносят его в наволочке. Его тоже неразыгрывают. Размеряют ложками и каждому всыпают, в зависимости от того, кто что

имеет: кому в пустую банку из под консервов, кому просто в бумажку, а некоторым ссыпают в глотки. Есть и такие, которые собирают сахар в мешочки и после на него выменивают свою же, недоставшуюся в розыгрыше, котлету или пирожок.

Эти мешочки обыкновенно висят привязанными к изголовью койки и к чести кадет надо сказать, что «орило, горело» (сербская поговорка — горело или громыхало) к этому сахару никто чужой не притронется. А если бы такое случилось то провинившемуся не сдобровать, в первую же ночь ему не избежать «темной», а кличка вора останется за ним на долгие годы.

В первое время я ошеломлен «игрой», у меня, оставшегося голодным, появляется и злость и чувство обиды и мести. Но это, как видно совсем не интересует тех, которые чужими котлетами наполнили свои желудки.

Они находятся на вершине сытого блаженства, довольны выигранным сражением, весело и умиленно вытирают грязными руками жирные губы, с которых стекает еще не застывший жир котлет. Они чувствуют свое превосходство, свою силу, ловкость и «бесстрашие», а в животах чувствуют приятную сытую усталость, что без зазрения совести доказывают их похлопывания по голым животам выпяченным наружу из-под задранных для этой цели рубах.

Как-то мне, оставшемуся голодным, пришлось приступить к размену. Единственное что было у меня для размена был мой «игнат». Так назывались производимые кустарным путем складные ножики с простой деревянной круглой ручкой, в которую входила половина лезвия. Вторая, тупая выпирала из нее наружу в виде трехугольника. Вещица простая, незатейливая и без всякого применения. Лезвием было тонкое железо, гнулось, как жесть, и ржавело даже от соприкосновения с потом. Эту дрянь можно было за пятак купить в любой деревенской мелочной лавке, но для меня же это была разновидность холодного оружия, которым я обладал.

Пошел мой «игнат» за часть не то пирога, не то котлеты. Целого выторговать не удалось. И так уплетая половину, а может быть, даже треть своей собственной порции, за которую пришлось пожертвовать собственным «холодным оружием», я окончательно решил, что так дальше продолжаться не может. Поделился своими мыслями с другими такими же обиженными, как и я, и вскоре у нас создалась «компашка» предводимая Королевым. Конечно, в нее вошли тот же Шурка Брешковский и Душан Вукичевич и Ревишин. Одним словом все «Полтавцы».

Сперва у нас пошло не все так гладко, как мы ожидали. Но как-то раз, не дожидаясь чтобы бачки с едой прибыли в барак мы начали «игру» еще перед входом, по пути и таким образом опередили заевшуюся «шпану» Крюшки. Правда, полной победы мы не выиграли: перевернутый противень с котлетами попал в ведро с горячей лобией, вызвав, в стремительном падении, целый фонтан обжигающих брызг, а сам розыгрыш происходил в ведре с фасолью откуда извлекались котлеты обтекавшиеся горячей жидкостью. Запасаться ими на будущее было невозможно, совать же их в таком виде в карманы как это обыкновенно делали кирюшкины молодцы с сухими котлетами. Приходилось тут же — на месте этого мамаева побоища пускать в ход челюсти и на быстроту перемолов одну стараться подразжиться другой.

После этого случая «противнику» пришлось учесть случившееся и вывести заключение, что прошла коту масленица. Что появился отпор, с которым, в будущем, придется считаться и что монополь на «игру» выскальзывает из рук. Так или иначе, но эти дикие «игры» постепенно в нашем отделении прекратились.

Вероятно, этому так же помогло удаление из корпуса нескольких человек «сильников», которые были отправлены родителям «на радость и утешение . . . »

Но «Кирюшка» и дальше оставался с нами: отсылать его было не к кому. Вся его семья, чуть ли не на его глазах, была замучена и расстреляна чекистами. Только случайность, что между этими нелюдьми нашелся какой-то «сердобольный» пожалевший мальчугана, спасла ему жизнь. Отсюда и вывод, что остался он слишком нервным и чуточку ненормальным. Вероятно это учитывалось и нашими педагогами. Вообще же многое ему «спускалось» и на многое смотрелось сквозь пальцы. Ну, а выбросить такого на улицу было бы уж совсем бесчеловечно. Да и по сути все зло у него было «прилипное». Как я уже сказал он являлся одной из тех бесконечных жертв бедствий, обрушившихся на нашу родину. К чести его надо сказать, что он не был ни злым, ни завистливым, ни злопамятным. Он быстро забывал обиды, если такие случались.

Несмотря на то, что Крымский корпус сплотил в себе кадет чуть ли не из всех корпусов России, что можно было видеть по погонам, которые разрешалось носить в дни корпусных праздников каждого корпуса, кадетская масса была разделена на два лагеря, Полтавский и Владикавказский. Кадеты ос-

тальных корпусов примыкали к одному из них или группами или в одиночку по собственному желанию и выбору. Существенной разницей между этими лагерями был «цук» у полтавцев. У владикавказцев его не было. Что происходило в старших ротах, мне, как малышу, было неизвестно, и я за это ручаться не могу. До нас только доходили слухи или же то, что мы слышали от наших «традиционных» старших, таких же малышей, как и мы сами, но которые имели официальный контакт со старшими.

В нашей же пятой роте взаимные отношения между сторонниками этих двух лагерей принимали, нередко, уродливый характер, что заключалось в «темных», открытых побоищах и даже в какой-то детской ненависти друг к другу. Сам «цук» у малышей вызывал больше забаву особенно со стороны «майората» и редко переходил границы допущенного, что нужно отнести к чести нашего «генерала» (пятой роты) Коли Воинова и больше походил на гимнастику, если и не на совсем «вольные упражнения», ибо они совершались хоть и по воле, но не нашей, а «майоров». Так как я сам принадлежал к лагерю полтавцев, то с уверенностью могу сказать, что все эти, т. н., «мучения» и «издевательства» над личностью в младшей роте не происходили.

Но отношения между нашими двумя лагерями были, безусловно, нездоровыми. Приблизительно, то же самое я нашел после, в Сараево, между кадетами киевлянами и одесситами. Очевидно, все это является пережитком того сложного времени, к которому относятся наши детство и юность. Даже такой требовательный и строгий начальник, как генерал Б. В. Адамович (директор корпуса в Сараево), должен был признать перед этим явлением свое бессилие, ибо вмешательство во «внутренние» кадетские дела наталкивалось на сильный отпор кадетской массы.

Не вмешивались в эти дела и педагоги Крымского корпуса, также как и не вмешивались во многие другие отрицательные явления в жизни корпуса. У меня нет никакого права осуждать или обвинять воспитателей, особенно теперь. Это не является целью моего повествования.

К чести их надо сказать, что между ними было много прекресных педагогов, к тому же добрых и отзывчивых. Одним из них был мой воспитатель — капитан Жеровович. Он старался как можно больше времени посвятить нам и не отрываться от отделения. Но не всегда это ему удавалось. Он был связан

семьей, а так же разными побочными службами в администрации корпуса, что отнимало у него много времени, а мы оставались без должного надзора.

Все же ему удавалось водить нас на прогулки к развалинам старого языческого храма, на реку Драву или же на могилу, где по преданию был похоронен Аттила. Нередко, по воскресеньям, после литургии он приводил к себе в квартиру по несколько человек из нашего отделения, где «мать командирша», молодая и красивая супруга, угощала нас чаем и домашними печеньями. Так же, при его содействии, нас начала принимать у себя в комнате какая-то вдовствующая не то баронесса, не то графиня, и также угощала нас сладостями.

За разные провинности Жеровович избегал нас наказывать. Обыкновенно все наказание сводилось к критике поступка, перед целым отделением, указанием на какое-либо аналогичное происшествие в прошлом и наконец следовало нужное правоучение и соответствующее ему внушение. В карцеры, нас, малышей, сажали редко. Обыкновенно они были заполнены до отказа нашими старшими однокашниками. Баллов за поведение еще не выставляли, а наказания, вроде — «без отпуска» не существовало, ибо никаких отпусков не было. Нужно признаться, что с такой системой наказаний (?) нашим педагогам бороться с нами было весьма нелегко, и их авторитет в наших глазах все время падал.

Командиром роты был у нас полковник Зналковский или, как мы его называли, «извозчик». Его особенному голосу, с успехом подражало несколько сорванцов, что нередко приводило в замешательство дежурного офицера, занятого какими-либо административными делами, или попросту читающего книгу или в летнюю жару дремлющего за своим нетесаным столом. Услышав «зычный» голос ротного командира (?), он спешил по направлению откуда доносился голос, обыкновенно, с другого конца барака.

Но, по понятной причине, ротного там не оказывалось. Смущенный воспитатель возвращался к своим занятиям, а в догонку за ним неслось довольное «ржание»... Это называлось: «Напаяли!»

В нашей роте еще было три воспитателя, капитаны Шмидт (Освещает весь барак, это Шмидт — вареный рак). Прозвище свое он получил за цвет лица, который становился особенно красным, когда он кого-либо распекал или волновался. По-

пулярностью и любовью у нас он не пользовался, как и Мирошниченко и кажется Гончаренко.

Когда на полях трудолюбивых словенцев поспела репа, наступил новый сезон развлечений ввиде набегов и налетов на этот агрикультурный продукт. Фактически он нам не был нужен. Но так уж повелось, что удаль и буйство где-то должны были получить свою разрядку. В данном случае этой разрядкой явились поля репы...

Сперва в корпус стали поступать одиночные жалобы ближайших соседей, потом жалобы уже удвоились. Вследствие этого начали происходить «рукопашные», «чтоб не фискалили», как говорили кадеты. Мы малыши, редко принимали участие в этих драках, но случалось, что и нам приходилось сражаться с такими же малышами-словенцами. При этом с нашей стороны действовали главным образом «брицджалки», а со стороны словенцев в нашу сторону летели камни, бросаемые руками или же иногда и сама виновница происшествий, увесистая репа. Насколько помнится эти драки и послужили причиной первых увольнений из корпуса, что и положило конец нашим набегам на земли потомков Аттилы.

Наконец, подошла пора нового учебного года. Для этой цели были выделены бараки переделанные «в ручную» в класные помещения с самодельной мебелью. Учебных пособий и учебников было недостаточно. Часто многое надо было запоминать на самих уроках, ибо не всегда и не для всех предметов были тетради, чтобы можно было записывать услышанное. Сперва, как что-то новое, уроки пошли бойко. По привыкших к свободе, к лесу, вновь потянуло на лоно природы, и все чаще начали появляться, в классах, отсутствующие.

Сперва на занятия не приходили по одиночке, потом группами, а случалось, что и целое отделение не приходило на уроки и возвращалось только к обеду. Несмотря на то, что преподавателями оказались у нас опытные и хорошие педагоги, они долгое время были не в состоянии бороться с нашей распущенностью и привить любовь к наукам. Правда были и исключения.

Я не помню, кто именно из двух преподавателей русского языка (Миляшкевич или Молчанов?) преподавали в нашем отделении, да это и не важно, ибо оба они были прекрасными педагогами, сумели заинтересовать нас с самого начала. К тому же за хорошее поведение в классе и внимательное отношение к преподаванию наш «Русак» читал нам короткие расска-

зы Чехова или других русских классиков. Читал он на разные голоса и так артистически, что, мы, буквально, заслушивались и с нетерпением ждали его уроков. У меня, лично, с этого момента появилась любовь к литературе, которую я сохранил до сегодняшнего дне.

Самый большой балаган устраивался на уроках «немца». И в старое время, в корпусах, «немцы» не пользовались особенной любовью, а в связи с их преподаванием существует масса анекдотов. Они как бы были «козлами отпущения» за «грехи» остального педагогического персонала корпуса. Наш аккуратный «немец» с первого же дня не взлюбил Кирюшку, а тот со своей стороны не оставался у него в долгу. Сперва он осторожно подстраивал ему разные каверзы, а под конец распоясался до того, что однажды перед самым уходом «немца» из класса (по окончании урока) всунул ему в фуражку двух, специально для этой цели пойманных ужей. Эпилогом такой выходки было то, что «Кирюшку» на долгое времяу запрятали в карцер, а мы старались найти лазейки, чтобы снабжать его котлетами и пирогами, ибо посажен он был на хлеб и воду.

После этого события на многих «критических» уроках присутствовал наш офицер воспитатель. Скажу откровенно, что многим из нас было совестно, ибо капитан Жеровович должен был жертвовать свое свободное время, а мы все очень его любили. Может быть, это и пробудило у нас совесть, и мы в скором времени начали исправляться. Недостаток преподавателей и еще неуходившаяся администрация нередко дарили нам сюрпризы и назначенные уроки по расписанию, оставались свободными, ибо преподаватель занимался с другим классом. А случалось и так, что к нашей радости в класс одновременно приходили два преподавателя.

После отъезда из Стрница Донского Корпуса, который был переведен в Билече (Герцеговина) нас перевели в бараки Донцов, которые находились на самой опушке леса, что довольно неблагоприятно снова отозвалось на наших занятиях. Теперь можно было, совершенно незамеченным, исчезать в лесу, где было всегда интереснее, чем в классах.

Перед отъездом Донцов произошла драка. Самая крупная и беспощадная из всех, которые запомнились. Поводом к драке послужило то, что кто-то из старших кадет нашего корпуса сорвал самостийный флаг вывешенный донцами на одном из бараков.

Наступила зима. Снежная, морозная. Вместе с зимой при-

шли и новые заботы и развлечения. В бараках холодно и неуютно. Тонкие деревянные стенки и однорамные окна не в состоянии задержать в помещении то малое количество тепла от двух чугунных печей. Параллельно с этим открывается новая страничка в книге нашей жизни — кража топлива. Крадут и ломают все то, что может гореть вплоть до досок с бараков, в которых расположена администрация и хозяйственная часть корпуса. В помещениях все сидят в черных парадных мундирах австрийских кадет, поверх которых напялены серо-голубые австрийские шинели, солдатского образца. Это подарок сербского военного ведомства из трофеев, добытых после окончания войны. Когда-то все это принадлежало кадетам из Марибора.

В солнечные дни идет война снежками. Обыкновенно воюют отделение против отделения или рота против роты. Конечно, на орехи всегда достается самым младшим. Воюют до того, пока совсем не закоченеют руки и уже отказываются лепить снежки, или пока, кому-либо не разобьют голову или нос «в кровь», бомбой устроенной из куска льда или отломанной сосульки бережно покрытой снегом.

В помещениях, устроившись на кроватях «военные стратеги» играют в войну. Игра довольно сложная. На самодельных географических картах располагаются войска противников. Это раскрашенные маленькие прямоугольники из полукартона. Обыкновенно для этого служит обратная сторона открытки. Война ведется по неписанным законам и правилам, но такие существуют, и играющие знают их наизусть. Пользуясь линейками и самодельными циркулями, производятся лобовые атаки, окружения, захождение с тыла, все, вплоть до отступления и потери сражения одной из воюющих сторон. Занятно. Но довольно сложно и утомительно.

Постепенно начинают прибывать учебные пособия. Занятия приобретают больший интерес. Уже ставятся баллы. Пополняются запасы белья и обмундирования, начинаются уроки гимнастики и строевые занятия.

Приближается весна. С нею Пасха и мой перевод в Сараево в Первый Русский — к генералу Адамовичу.

Прощай Стрнище!

Алексей Мальчевский .

БОСАНСКИЕ САПОЖНИКИ

Знаете ли вы, что такое — босанские сапожники? Нет, вовсе не то, о чем вы думаете. Я говорю о них совсем не как о мастерах сапожного ремесла; до этого мне нет никакого дела. Я говорю об их непревзойденном искусстве в области, где царит Терпсихора. Да какие там Нуреевы, Лифари и Нижинские! Когда оркестр запиликает югославский национальный танец «коло», — вы не смотрите на ножки дам, не смотрите на «золотую молодежь», на так называемых «лучших» танцоров города. Время потеряете. Просто спросите соседа «А нет ли тут сапожников? » и если он даст вам положительный ответ и укажет их пляшущими — плюньте на все и следите за ними. Ручаюсь, что в первый раз в жизни вы получите поистине эстетическое наслаждение. Вас будет при этом бросать в жар и в холод, и, вытирая платком разгоряченное лицо (так как волноваться, уставать и переживать будете вы, а не пляшущие сапожники!), вы скажете: ну, и подлецы же! Ну, какой там Ковент Гарден! Одним словом — не будь босанских сапожников, не было бы и лучших исполнителей сербского национального танца среди наших кадет, а ведь надо сознаться, некоторые наши танцоры стали виртуозами в этой области и мы глядели на них с завистью. Не будь сапожников — ну, научились бы мы просто, как и все, танцевать коло и все тут. Вот местная элита — полицейский урядник, парикмахер и почтмейстер — эти настолько преисполнены величия и сознания собственного достоинства, что они едва ножками передвигают. А господин «учо» (учитель) так тот старается все проделывать изящно, и все это — не тот коленкор. А что же еще, спрашивает читатель? Какого же рожна еще нужно? О, я говорю о высшей школе, об искусстве, о том, что называется «класс», подобно высшей школе верховой езды в Венском манеже под командой полковника Алоизия Подгайского на кровных липицанерах. Вот о чем. Ваши ноги уже перестают быть просто ногами, а становятся то штопором, взвивающимся и опускающимся по спирали, то мягкими, бескорыстными, резиновыми ластами аквалангиста, то звенящими пружинами, то клювом дятла, который отстукает тебе по полу такой чертовский ритмик, по сравнению с которым самая развеселая «чечотка» покажется тряской палочки Коха перед сывороткой. Только понаблюдав за их пляской в Горажде, я понял — что такое «коло», и если вы достигнете этого совер-

шенства, тогда я скажу вам: да, вы пляшете, как сапожник! Их было у нас трое, появлялись они всегда вместе (до сих пор невдомек — а кто же их приглашал?), плясали не разделяясь, держась друг друга и смотря не на дам, а на свои ноги. Женский пол замирал, а они были всецело поглощены собой и ритмом плюс отчаянием от сознания, что вот, мол, это, к сожалению, и все, братцы, а как бы нам хотелось отколотить что-либо этакое, на что нога человеческая уже никак не способна!

Итак, подобно шведам — учителям русских в военном искусстве, они были нашими учителями в нац. танце. Но я лично испытываю к ним еще чувство глубокой благодарности за спасение двух драгоценнейших в мире жизней. Это — моя и Женькина. Дело в том, что мы оба считали себя неотразимыми дон-жуанами, и как-то принялись фланировать по улицам городка (а сколько их было всего — три или четыре?) в полной уверенности, что все местные красавицы будут у наших ног. Время шло, а красавицы не падали перед нами. Гуляя, забрели мы в ту часть городка, где жило исключительно мусульманское население. Начали появляться характерные восточного типа постройки со знаменитым «демирли-пенджером», т. е. с зарешеченным окном-фонариком, из которого мусульманка может наблюдать за гуляющими, без того, чтобы ее кто-либо мог разглядеть с улицы. Проходя мимо одного такого дома, мы услыхали колокольчики женского смеха над головой. За одной из таких решеток нас, очевидно, заметили. Прошлись мимо еще несколько раз — к ногам упала привязанная к камешку записка. Быстро подняв ее, мы скрылись за углом. И, правда, это оказалось любовным посланием! На крошечном листке безграмотной рукой была написана какая-то романтически-цветистая белиберда, кажется, какое-то четверостишие с «грезами и розами». Мы не остались в долгу и решили нанести сразу же лобовой удар. В нашей записке поэзии было маловато, но зато, ясно для каждого осла, ставились вопросы по существу: где, когда и есть ли сестра или подруга? Присобачив таким же манером свою записку, вернулись на ту же улицу. По соседству с «фонариком» одно окно уже оказалось приоткрытым, противник, очевидно, знал все правила игры. Стало ясно — мы на полигоне. Открыли огонь, записка влетела в окно. По какой-то причине нам, дуракам, и невдомек было, что за нами могут наблюдать откуда угодно, из соседних окон или из соседних домов. Но любовь слепа.

Когда мы шли обратно, снова к нашим ногам упала записка. Нами была одержана полная победа! Да, есть сестра (или

подруга — сейчас уже не помню), вечером, когда совсем стемнеет перелезть через стенку в переулке, огибающем дом. Прошлись — точно, переулочек и стенка, как в аптеке. Преисполненные гордости и предвкушая победу, вернулись в корпус. Темноты еле смогли дождаться. Луны в тот вечер не было. Все шло, как по маслу. В назначенное время мы были у стены. Екало сердце — а вдруг кто-нибудь заметит — но вспоминалось дурацкое четверостишие, и забывалось все. Оба мы потянулись на стену в том месте, где она была ниже всего, но в это время... Ох, дорогой читатель, кабы не босанские сапожники, не писать мне теперь этих строк. За стеной сначала послышался шорох, а потом мы узрели две рослых мужских фигуры на самой стене. Мы наутек. Наши преследователи уже догоняли нас там, где проулочек выходит на улицу. Но в этот момент между нами и преследователями неожиданно выросли еще две мужских фигуры. Это были сапожники, возвращавшиеся, очевидно, от приятелей с пирушки — на версту запахло алкоголем. Нападавшие наткнулись на них, задержались и остановились. Узнали друг друга, очевидно были приятелями. Началось объяснение. Мы остановились шагах в десяти. Было неуютно, но и бежать было теперь как-то особенно позорно. Сапожники убедили своих друзей, что с нами лучше не связываться, отпустить с миром. Пересыпая свою речь «предпоследними» словечками, противник, наконец, смилостивился, и сапожники любезно проводили нас домой. По дороге дружески отчитали нас и прочли интересную лекцию о странностях местного быта. В тот вечер мы узнали, что мужья или братья, до сих пор не знаю кто, наших Дульциней могли преспокойно вспороть нам животы ножами и покормить нашими благородными телами рыбку в бурной Дрине. С тех пор в мусульманский квартал мы не заглядывали. Я и посейчас самого высокого мнения о босанских сапожниках, ей-Богу. И пляшут черти замечательно!

Однако, может заметить мне читатель, поздним вечером где-то в городе? И брови читателя неодобрительно-недоуменно поднимутся. А где же воспитательский контроль?!

На это напомню ему: чучело в стоячем положении есть приспособление, уставом предвиденное, в целях обучения нижних воинских чинов штыковому бою. Чучело же в лежачем положении есть предвиденное кадетом приспособление в целях усыпления бдительности дежурного офицера при обходе. Аминь.

Н. Воробьев, Д.К.

БАЛ

Кадет 4-го класса 2 отделения Виктор К. был тайно влюблен в младшую дочь офицера воспитателя по прозвищу «Шишка».

У «Шишки» было две дочери: старшая, уже вполне сформировавшаяся довольно пышная блондинка, была вне пределов мечтаний Викотра, — она была на три года старше его. Младшая же девушка — подросток была его ровестницей. Обе учились в Мариинском Донском институте, находившемся, как и Крымский Кадетский корпус в городе Белая Церковь.

Влюблен был Виктор почти уже целый год, но все это время ему не удавалось ни разу поговорить со своим «предметом». Они даже не были знакомы.

Впервые заметил он ее на весеннем балу и с первого взгляда его поразили ее огромные черные глаза. Эти украинские «воловьи» глаза с поволокой казались ему бархатными и за один их взгляд Виктор был готов на любой подвиг: убежать в «самодрал», пробраться на квартиру «Шишки» или не задумываясь подставить грудь под удар еще неизвестного ему соперника. Это последнее, пожалуй, более всего ему импонировало и он в мечтах представлял как его возлюбленная будет перевязывать его рану и сама откроется ему во взаимной любви.

Однако, он тогда не убежал в «самодрал» и не вышел на дуэль с неизвестным противником. Он, в избытке нахлынувшего на него нового, неизвестного до того ему чувства, боясь чем нибудь отпугнуть свою мечту, ушел из зала и стал бродить под его освещенными окнами, из которых вырывались звуки духовного оркестра и говор танцующих.

Тогда цвели перед фасадом здания корпуса каштаны. Цвели белыми и розовыми изящными пирамидальными свечечками и чуть заметный нежный аромат был разлит в тишине весенней ночи. И тут под каштанами Виктор твердо решил научиться танцевать и на следующем балу познакомиться с «избранницей своего сердца».

За летние каникулы, проведенные в маленьком сербском городке в купаньи на речке, на рыбной ловле и на футбольном поле, образ «Шишкиной» дочери несколько поблек, но с возвращением в сентябре в корпус страсть его разгорелась с новой силой. Не даром говорят, что «старая любовь не ржавеет». И чего только ради этой любви не делали кадеты? Одним из

наиболее распространенных приемов контакта с институтками были любовные записки. Что в них писалось, Виктор не знал. Да и что можно было написать в такой записочке? Разве какую-нибудь ординарную глупость, вроде: «Я Вас люблю!» или «Я Вас обожаю!» и получить в ответ: «Вы очень милы», с приложением засушенного цветка. К тому же превращаться в типичного «страдальца», как назывались эти кадеты, оперирующие записками, Виктор не хотел. Тип «страдальца» ему был непонятен. Обыкновенно, это были самоуверенные, ловкие, всегда с иголочки одетые, не особенно умные щеголи. Передача записок чаще всего происходила во время прогулок институток по большой аллее, ведущей из города в парк. Надо было уловить момент, когда сопровождавшая институток класная дама на секунду прекращала свое неусыпное наблюдение над идущим перед ней попарно строем институток (эскадроном, как говорили кадеты), подбежать к строю и сунуть любой первой подвернувшейся институтке.

Способ этот для Виктора не подходил еще просто потому, что младшая «Шишкина» дочь была приходящей, т. е. жила дома и ходила в институт только на уроки. И так оставалось одно: надежда на бал и Виктор стал усиленно готовиться к нему. Сначала научился кое-как танцевать такие легкие танцы как бальная лезгинка, коханочка, па д'эспань. Потом кое как одолел и вальс. О полонезе или мазурке и мечтать не смел.

Так как в корпусе уроков танцев не существовало, то начальство, обыкновенно, раз или два перед балами разрешало проводить репетиции в зале. Какой-нибудь, склонный к музыке кадет, — чаще всего Дембашевский, — садился за рояль и отбренчав на нем несколько танцев удалялся. Репетирующие в это время тренировались, танцуя «шерочка с машерочкой». Но этого было мало и приходилось продолжать изучение танцев в спальнях и коридорах. Музыки тут, понятно, никакой не было, а без нее как затанцуешь? Однако выход был: как и для лучшего запоминания сигналов, так и для танцев существовали кем-то когда-то сочиненные стишки. При пении этих куплетов можно было легко усвоить и сам мотив танца. Слова были разные. Так, всем известны совершенно безобидные слова Па д'эспаня:

Расскажи-ка мне тетка Матрена,
Что за танец танцуешь такой? —
Этот танец зовут "Па д'эспанец"
И танцуют одною ногой . . .   или бальной лезгинки:
Карапет мой бедный.
Отчего ты бледный . . .   и т. д.

Но для краковьяка и многих других существовали стишки абсолютно для печати непригодные.

Общеизвестно, что талантливые двусмысленные куплеты запоминаются в молодые годы легче всего, и на долго, даже против воли, застревают в голове. Так автор куплетов на мотив известного вальса с большим юмором описал в очень легких, почти «бараковских», стихах похождения разных коронованных особ: короля испанского, султана турецкого и персидского шаха. Особенно удачным вышел последний, предпринявший путешествие в Париж.

* * *

Итак, в предвидении близкого бала, Виктор в числе еще нескольких кадет тренировался в танцах под «тетку Матрену», «Карапета» и «шаха персидского».

Наконец, настал долгожданный день. Ботинки, медная бляха пояса, пуговицы — начищены до зеркального блеска; рубаха особенно тщательно выглажена; надеты парадные брюки, три дня перед тем пролежавшие под матрацом кровати и выглаженные таким путем до совершенства: о складку брюк теперь можно «порезаться». Виктор готов для бала.

Внизу тоже все готово: парадный вход сияет огнями, зал разукрашен гирляндами и лентами, протреты царей и цариц, вождей, полководцев, в рамках свежей зелени и орденских лентах, пол навощен до блеска. В одном конце зала сцена с талантливо изображенными рисунками на темы из русских сказок: вот скачет на одной из ее стен Билибинский Иванушка на сером волке; рядом с ним Царевна-лягушка. На противоположном конце зала перед деревянной перегородкой, наглухо отделяющей от зала церковь под кремлевскими крепостными стенами, нарисованными на ней, расселся на стульях оркестр. Скоро начало. Все напряжено.

И когда под гром полонеза в зал стали входить первые пары во главе с директором корпуса и начальницей института, както особенно церемонно приседающих в этом старомодном танце, на душе у Виктора стало торжественно и чуть-чуть тоскливо.

Потом он усиленно ловил глазами лица, стараясь отыскать в стае институток предмет своих мечтаний и, наконец, увидел и сердце радостно забилось под его гимнастеркой. Настал решающий момент: сейчас он подойдет и пригласит ее на первый

же танец. Но прошли и краковяк, и па д'эспань и кохaночка, а Виктор все стоял и стоял, опершись спиной о стенку и было ему мучительно стыдно своей нелепой застенчивости, которую он никак не мог побороть. Он как во сне видел, что кто-то приглашал ее на танцы, видел ее танцующей и все говорил себе: «Приглашу на следующий».

Но следующим танцем оказалась мазурка. Перед этим выбежал на середину зала с розеткой и лентами на плече один из распорядителей и громко прокричал: «Мазурка женераль». Сейчас же грянул оркестр. На этот раз вышло всего две-три пары, отчего опустевший зал стал казаться огромным. Все взоры устремились на танцующих. В особенности привлекательна была одна пара. Легко и плавно понеслась она под звуки бравурной музыки. На каждом углу на повороте кавалер бешенно бил раскоряченными ногами пол, казалось, что он каблуками разобьет его в щепки, потом прищелкнув ими несся в паре со своей легко плывущей дамой как по воздуху дальше. На лице кадета была счастливая улыбка, — он совсем забылся, он уже не знал: он ли это кадет 7-го класса 1-го отделения Жорж Ж. или нет? Конечно нет!!! Теперь он видел себя лихим корнетом Лейб-Гусарского Павлоградского полка; на нем на одном плече ментик, чакчары, а на ногах не неуклюжие кадетские ботинки, подбитые подковами и шипами, а гусарские сапожки с розеткой и савельевскими шпорами на каблуках. Он слышит не стук грубых каблуков, а мягкое «малиновое» позвякиванье своих шпор... И дама его совсем не институтка, а светская львица, может быть фрейлина двора Ее Величества, может быть красавица Элен, графиня Безухова или, еще лучше, сама Наташа Ростова . . .

Но вот последний аккорд. Кавалер, преклонив колено обводит вокруг себя свою даму, целует ей ручку и ведет на место... в строй таких же как она институток...

После мазурки была пауза. Усталые музыканты отдыхали минут пятнадцать. Виктор знал, что скоро конец бала. Надо было решиться. И он решился. При первых звуках вальса, он быстро, почти бегом бросился через зал к тому месту, где находилась его «мечта» и щелкнув каблуками произнес трафаретное: «Разрешите пригласить Вас на вальс!»

Через минуту он уже плыл в волнах танца, обняв за талию свою любовь.

Есть что-то манящее в тонкой, податливой в танце, женской талии и Виктор впервые почувствовал, что он навеки пленен

этим загадочным существом — женщиной, — существом таким желанным, незнакомым и опасным.

Играли вальс на слова из «Персидского шаха» и Виктор, напевая про себя известные ему куплеты довольно ловко попадал в такт. Где-то отдельно в его голове мелькала мысль, что надо что-то сказать, что нельзя истуканом танцевать молча, — но огромные черные глаза, устремленные на него и это гибкое тело под рукой с его теплотой и нежностью, совершенно парализовали его волю. И стыдясь своей застенчивости он неожиданно густо покраснел; покраснел еще и потому, что вдруг подумалось: «А что если и она тоже знает эти стишки и чувствует, что я их сейчас про себя напеваю?» От ужаса он совсем смешался и наступил своим грубым подкованным ботинком на маленькую ножку своей дамы.

«Мы сбились с такта», с милой улыбкой прошептала дама и от ее замечания Виктор смутился еще больше. Он перестал слышать музыку и, окончательно потеряв такт уже совсем нелепо запрыгал козлом. Кое-как прошел он последние пол круга и усадив свою даму на стул, не глядя, выскочил из зала.

Ночь, проведенная после бала, была ужасной. Виктор почти не спал. Ему казалось, что он осрамился на веки и что вскоре он станет всеобщим посмешищем. И он твердо решил, что это был его последний бал и что, в сущности, его любовь к «волоокой» Шишкиной дочери не такая уже глубокая, что бы из-за нее так страдать.

А на утро, когда его класс вышел на прогулку, он долго бродил перед зданием корпуса заложив руки в карманы и, вспоминая прошлую ночь что-то бормотал про себя и, отыскивая в сухой, ломкой от первых заморозков опавшей листве плоды каштанов, со злобой старался как можно дальше «зафутболить» эти прелестные коричневые, как бы лакированные, шарики.

И ему становилось легче.

В. Строгов (Кр.К.К.

ПИРОЖКИ

История эта произошла перед Второй мировой войной в городе Белая Церковь в Югославии, и главными ее героями и участниками были седьмой класс Мариинского Донского Института и седьмой класс Княже-Константиновского Кадетского Корпуса.

* * *

Была весна 1933 года и один из кадет седьмого класса, во время разговора, сказал своей однокласснице-институтке, что их мало кормят и что они — голодные. Институтка это рассказала в своем классе и, как и следовало ожидать, нежные институтские сердца не выдержали, чтобы их одноклассники-кадеты были мучимы голодом. И весь седьмой класс институток решил послать своим одноклассникам-кадетам подкрепление в виде пирожков, которые иногда давались институткам по два к вечернему чаю. Но, сразу же возник вопрос, как вынести пиржоки из столовой, чтобы этого не заметила дежурная классная дама? И был выработан институтками следующий план: каждая институтка седьмого класса должна была делать вид, что жует свой пирожок, а на самом деле, должны были быть спрятаны пирожки в карманы форм под передником и таким образом вынесены из столовой.

Наконец наступил день, когда дали к вечернему чаю институткам пирожки. Конечно, если бы дежурная классная дама была более внимательной, она бы заметила, что институтки седьмого класса слишком усердно что-то жуют, но, очевидно, у дежурной классной дамы были другие, более важные задания, чем смотреть, как кто жует пирожки, и она не заметила ничего необыкновенного в поведении седьмого класса. А это позволило институткам осуществить во всех деталях первую часть своего плана: после усиленного жевания исчез первый пирожок в кармане формы под передником, а потом, после некоторого времени — и второй пирожок очутился в кармане формы. А когда, после вечернего чая, институтки вернулись в свои дортуары, пирожки тоже оказались в дортуарах и этим была выполнена первая часть, — выражаясь современным языком, «Операции пирожки».

Дальше пирожки были собраны в одном дортуаре, и когда вечером был потушен свет, и горел только ночник, пирожки были аккуратно сложены в одной коробке, коробка была перевязана розовой шелковой ленточкой, был сделан изящный бант и было вложено в коробку коротенькое письмо, которое гласило: «Одноклассникам седьмого класса от одноклассниц». А на следующий день, коробка с пирожками была благополучно передана швейцару Ванечке, исполнявшему помимо других обязанностей и роль курьера между Институтом и Корпусом, и коробка с пирожками попала в тот же день к кадетам. История дальше говорит, что кадеты съели пирожки с большим удовольствием, так как во-первых, пирожки были действительно очень вкусные, а во-вторых, ведь им их послали институтки.

И, если институтки не могли остаться равнодушными к тому, что их одноклассники кадеты голодны, то и кадеты не могли остаться равнодушными к тому, что получили подарок от институток, и кадеты решили послать институткам в благодарность за пирожки — торт. Для этого седьмым классом были собраны необходимые деньги и был заказан в лучшей кондитерской Белой Церкви дивный «ДОБОШ» торт. Торт, конечно, опять дали швейцару Ванечке, и он его в тот же день передал институткам седьмого класса. Но, тут кадеты допустили ошибку, что вместе с тортом не передали и письма, а письмо решили лично передать, вернее подбросить, в столовую института, так как окна столовой института выходили на улицу и были открыты в теплую погоду. А кадеты знали, что после еды остаются в столовой дежурные институтки, которые прибирают посуду, и, если нет случайно классной дамы, то можно без большого риска, проходя мимо открытого окна, подбросить письмо. Итак, назначенный кадет с письмом, проходя мимо открытого окна столовой и не видя классной дамы, ловко подбросили письмо, и оно упало к ногам институтки. Институтка быстро согнулась, схватила письмо, и положила его в свой карман. Но этот, хотя и быстрый жест институтки, не ускользнул от внимания классной дамы стоявшей в углу столовой, и она подскочила к институтке со словами: А ну ка, дайте сюда то, что вы положили в карман»! Делать было нечего, и институтка вся красная, протянула классной даме письмо, которое только что положила в карман.

А в письме, адресованном седьмому классу было написано:

Дорогим одноклассницам посылаем торт в благодарность за пирожки.

Классная дама моментально доложила о случившемся Начальнице Института и Начальница приказала немедленно собраться всему седьмому классу. И, несмотря на то, что классная дама и Начальница действовали очень быстро, институтки оказались быстрее, и успели спрятать злополучный торт в кафельную печь, завернув его предварительно в газету. И институтки сговорились не отвечать на вопрос, где торт. А когда появилась Начальница Института, уже по одному ее грозному виду, институтки поняли, что хорошим все это для них не кончится.

И действительно, первым вопросом Начальницы было: Где торт?

Но институтки молчали и единственно, что выдавало их волнение, были их бледные лица. Тогда Начальница приказала классным дамам произвести осмотр дортуаров, вернее всех тех мест, где мог находиться торт. В первую очередь были осмотрены тумбочки, кровати, личные вещи, но торта нигде не было.

Тогда начальница начала отчитывать институток. Она говорила долго о том, что честные и благородные девицы так не делают и т. д. и т. д. и, между прочим, Начальница сказала: «Как вам не стыдно? Вы завлекаете мужчин . . . »!

О том, как прошел остаток дня у институток седьмого класса, лучше и не говорить, а также о том, какое было у всех подавленное настроение. Но возраст — 17 лет (а что лучше этого возраста?) все же победил настроение и вечером, когда был потушен свет, опять при свете «ночников» и со всеми предосторожностями, чтобы не зашла случайно дежурная классная дама, «добош» торт был разрезан на равные части и каждая институтка получила свою часть и съела ее, правда не без некоторой горечи, так как знала, что весь седьмой класс ждет наказание.

И действительно, за это ПРЕСТУПЛЕНИЕ последовало и соответствующее НАКАЗАНИЕ: В 1933 году весь седьмой класс Мариинского Донского Института остался на Пасху в Белой Церкви и институтки не поехали на Пасхальные каникулы.

Прошло с тех пор уже много лет, уже нет в живых многих институток тогдашнего — в 1933 году — седьмого класса, и

многих кадет тоже уже нет в живых, из тех кадет, которые купили и послали институткам «добош» торт.

А из оставшихся в живых и институток и кадет, многие уже забыли про этот случай. Но не все! Есть еще и сейчас бывшие институтки, которые когда едят торт, вспоминают случай, бывший в 1933 году в Белой Церкви, а если это еще и «добош» торт, да еще на Пасху, то такие бывшие институтки говорят сыну или дочке или мужу: Кушай, кушай спокойно этот торт и не бойся ничего, а вот мы в институте из-за куска «добош» торта не поехали однажды на Пасху. Да, давно это было! Еще перед Второй Мировой войной в Белой Церкви, в Югославии.

А когда жена или дочка кадета, не забывшего случая с пирожками и тортом в Белой Церкви, ставят на стол пирожки, то такой бывший кадет, съев пирожок говорит: Да, конечно, эти пирожки очень хорошие и вкусные, но те, те пирожки, которые мы когда-то получили от институток в Белой Церкви, были и лучше и вкуснее.

В. Новицкий. (Р.К.К.)

Записано со слов двух непосредственных участников: одной бывшей институтки и одного бывшего кадета.

КАДЕТЫ 35-го ВЫПУСКА ДОНСКОГО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА 3-го КАДЕТСКОГО КОРПУСА ОТМЕЧАЮТ В ЭТОМ ГОДУ СВОЙ ПЯТИДЕСЯТИЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ОКОНЧАНИЯ КОРПУСА.

1923 - 1973 гг.

Всем однокашникам того года.

Отметим гордый юбилей.
Налей вина, налей...
За радость легендарных лет,
Налей вина, кадет...
Мы не забудем никогда
Волшебные года,
Когда — мы повторили вновь
Кадетскую любовь...

10/2 - 1973 г.

В.-ур. 35-го выпуска
А. Туроверов

ПЕРВАЯ РУССКО-СЕРБСКАЯ ЖЕНСКАЯ ГИМНАЗИЯ

Все мы, учившиеся в гимназии, всегда вспоминаем с благодарностью не только страну, приютившую наших отцов и матерей как своих родных братьев и сестер, не только ее Короля Александра, ставившего полный знак равенства между нами и коренным населением страны, но особенно Е. В. Королеву Марию, лично принявшую под свое Высокое Покровительство нашу женскую гимназию.

Русский Дом памяти Императора Николая II

Официальным началом нашей, чисто женской гимназии считается 1930-ый год. Однако ядром ее надо считать другое учеб-

ное заведение, зародившееся почти одновременно с нашей первой смешанной «плетневской» гимназией. Первоначально это была только начальная школа с пансионом для девочек. Руководимое горячо любившей молодежь и преданной своему делу Серафимой Ивановной Ледневой, это скромное учреждение через восемь лет и развернулось в женскую гимназию с полным курсом гимназических наук и всеми правами средне-учебного заведения. Гимназия росла постепенно. Каждый год в новооткрывавшиеся классы переводились ученицы из «плетневской» гимназии, которая, таким образом, превращалась в чисто мужскую гимназию. Выпуск 1929-го года был последним смешанным, после чего в Белграде существовало две Русско-сербские гимназии — мужская и женская.

Выпуск 1931 года.

Перывм директором нашей гимназии был назначен Л. М.Сухотин. Это был мягкий, либеральный, немножко насмешливый человек, умевший все же вести гимназию и поддерживать ее успехи на высоком уровне. К этому времени гимназия уже была переведена из тесноватого помещения на улице Милоша Великого в удобное светлое и комфортабельное помещение в недавно выстроенном Русском Доме, посвященном памяти нашего последнего Государя, на улице Кралицы Наталии. Если раньше классы была небольшими (по 10-15 девочек), то теперь в каждом классе было человек по тридцать в среднем; была форма, мы носили косы, значки с номерами классов на синих беретах. Девочки, желавшие казаться постарше, иногда

снимали номер, за что платились, если бывали пойманы на этом страшном преступлении. Была у нас и своя церковь в пмоещении сокольни, куда наши классные наставницы водили парами нас, своих птенцов. Акты, спектакли и всякие торжества устраивались теперь в помещении театра в том же Русском Доме. Так как второго помещения для гимназий не было, то наши гимназии чередовались: девочки занимались до, а мальчики после обеда в тех же классах.

Перечислить всех наших преподавателей и преподавательниц не представляется возможным. Можно про них только одно сказать: были они все интересными, своеобразными, а подчас и просто выдающимися людьми, искренне, с тактом и умением стремившимися передать не всегда внимательной молодежи как можно больше знаний, вынесенных ими из дореволюционной России. Кроме регулярных занятий были ими организованы всевозможные кружки (литературный, музыкальный, хоровой, Красного Креста и пр), научные кабинеты (по физике, естествознанию, химии, кристаллографии и т. д.), устраивались экскурсии и многое другое. В гимназии всегда функционировала собственная библиотека, насчитывавшая до 6.000 книг, которой пользовались почти без исключения все ученики и ученицы обоих гимназий. Успешно действовал Родительский Комитет, помогавший не только детям неимущих родителей, оплачивавший завтраки, репетиторов, докторов, учебники, организовывавший летние колонии, но устраивавший и концерты и балы, лотереи и наши такие популярные когда-то «матинэ». Никогда бы не могло это осуществиться без деятельной помощи этой преданной до самозабвения, но никогда не афишировашей себя, почти невидимой организации.

Все перечисленное никогда не передаст атмосферы, царившей в нашей гимназии. Ни наши успехи на всевозможных состязаниях, ни театральные выступления, — ни даже то, когда мы стройно и тихо, пара за парой шли по улицам Белграда и сербы восторгались нами — все это не передает полной картины, что значила гимназия для нас. Скорее ценность нашей гимназии отражалась в тот момент, когда ученица чувствовала . . . , что теряет ее . . . Раннее лето. «Большая матура». Волнение перед экзаменами. Маевка. «Видов дан»... Выпускной бал... И какая-то горькая пустота на душе: что-то большое и хорошее в нашей жизни оканчивалось. Этот наш дружный, спаяный общими интересами, шалостями, знаниями, ленью, игрой-войной с преподавателями, ежедневными встречами и

разговорами, русский островок — мы уже передаем младшим классам и теперь надо каждой, в одиночку, решать по-взрослому, что делать дальше.

Так, из года в год, с радостями и огорчениями, с переэкзаменовками, а иногда и с повторениями, шли выпуски за выпусками, каждый год покидавшие Русский Дом для новой жизни. Все шло гладко и, казалось, все будет так и дальше. По приблизительному подсчету число окончивших наши обе гимназии приближался к 800-стам. Отметим также, что значительное большинство из них получило и высшее образование.

Матура 1938 года.

Но пришла война... Начались немецкие бомбежки. Дом наш разрушен не был, и заняитя прекратились только на несколько дней, но в беззаботной жизни многое изменилось. В бомбежке погибла наша прекрасная ученица и милая девочка Муся Краснова.

Потом началась окупация. Были смещены оба наши директора (И. М. Малинина в мужской гимназии сменил Б. Н. Сергиевский, у нас Л. М. Сухотина заемнил В. С. Левицкий). Наступила тяжлеая зима. Отопления не было. В классах сидели в пальто, у детей на пальцахъ появились ранки, некоторые не могли писать. Но обе гимназии упорно продолжали занятия. Так подошел 1944-й год, когда впервые, на первый день Пасхи, американцы и англичапе безжалостно отбомбили Белград.

После этого занятия стали нервными, все ждали сирены, спускались в подвалы, занятия отменялись. Подошла осень 1944-го года. Вместо нормальной сентябрьской записи учениц, объявили о закрытии гимназии, и все в смятении и с болью в сердце стали ждать последней катастрофы. Она не замедлила наступить. А через несколько дней одни потащились товарными поездами неведомо куда, лишь бы подальше от красных, другие

Церковный хор.

остались пережидать бурю (и многие все же уехали позднее), но русское гнездо было разрушено. Русский Дом опустел.

Русский Дом, как таковой существует и поныне. Но это уже не наш дом, хотя на вид он все тот же — живы даже наши березки у бокового входа. Зато с парадного входа мозолят глаза советские афиши.

Наша гимназия кончилась, но пока живы ее бывшие ученицы, жива и память о ней. Живя ныне в наш фривольный век, с любовью, благодарностью и признательностью вспоминаем мы о дорогом минувшем времени, и всем том, что гимназия нам дала. Трудно определить, что именно она нам дала, помимо знаний, и духовно и душевно... Вероятно это будет та неискоренимая русская основа, которую не вытравишь никакой новой родиной.

ХРОНИКА

САН ФРАНЦИСКО

В доме Общества Ветеранов в воскресенье 1-го Апреля 1973-го г. состоялось Годовое Собрание членов Обще-Кадетского Объединения.

Председатель Правления А. С. Громыко открыл Собрание и после пропетой молитвы были произведены выборы президиума. Председателем был выбран В. С. Данилов и секретарем Г. С. Махлаевский.

Председатель, члены Правления и Ревизионная Комиссия сделали доклады о деятельности ОКО за истекший год, которые, после обсуждения, были приняты и Собрание выразило Правлению благодарность за проведенную работу.

Перед обсуждением текущих дел были произведены выборы нового Правления.

Среди текущих дел обсуждался вопрос проведения 4-го Съезда Зарубежных Кадет в Сан Франциско и было вынесено решение: известить Президиум 3-го Съезда Зарубежных Кадет о желании ОКО пойти на встречу устройства Съезда.

По окончании обсуждений вопросов и дел, касающихся жизни ОКО, председатель, поблагодарив присутствующих, закрыл Собрание.

После пропетой молитвы, Владыка Антоний, Архиепископ Сан-Францисский, почетный член ОКО, преподал благословение и покинул Собрание.

Всем присутствующим было предложено перейти в буфет, где была организована «Рюмка Водки».

— - о - —

Каждый год на Красную Горку собираются члены ОКО, их семьи и друзья поздравить друг друга со Светлым Праздником Воскресения Христова и пожертвовать на «Красное Яичко» в фонд помощи нуждающимся однокашникам.

В этом году в нижнем зале Дома Русских Ветеранов состоялись «Взаимные Пасхальные Поздравления».

Собралось около ста человек.

Заботами дам был приготовлен обильный пасхальный стол,

буфет (бар) заполнен различными напитками, шампанское было пасхальным подарком Председателя.

Среди присутствующих царило веселое, праздничное настроение. Все были рады встречам со своими друзьями и беседы затянулись до позднего вечера.

Когда же пдоошло время покидать помещение, то уходили нехотя, но с надеждой на новую встречу на Традиционном Празднике ОКО.

В. Д.

ТОРОНТО (КАНАДА)

ТОРЖЕСТВО БЛАГОДАРНОСТИ

В мае Общекадетское Объединение в Торонто торжественно отпраздновало двадцатилетие своего существования. На юбилейных торжествах решено было выразить благодарность Династии Карагеоргиевичей, Сербскому народу и Патриарху Варнаве за Их поистине отеческое отношение к русской эмиграции и особенно учащейся молодежи — за единственное в истории разрешение существованию на территории Королевства РУССКИХ КАДЕТСКИХ КОРПУСОВ.

Благодарность была выражена установкой в соборном храме Св. Троицы киота с тремя иконами: Св. Андрея Первозванного, семейного покровителя Карагеоргиевичей (Крсна Слаав), Св. Саввы, проосветителя Сербов и Св. Апостола Варнавы, в память Патриарха. Иконы были написаны нашим известным иконописцем, И. П. Сухачевым (Кр. К.К.) *) в Византийском стиле и стали украшением великолепного храма.

В воскресенье 20-го чин освящения совершил Архиепископ Виталий, Монреальский и Канадский, (Кр.К.К.), в сослужении настоятеля храма о. Матфея и о. Иоанна при пении двух хоров, соборного и сербской церкви Св. Великомученика Геор-

*) Игорь Петрович Сухачев родился в Загребе. Начальную школу и гимназию, русскую и сербскую, окончил в Белграде. Сын белого офицера, Петра Петровича Сухачева, который расписывал в Югославии фресками храмы и его же фрески в Скупштине. И. Г. сперва учился у отца, затем окончил Иконописную школу в Гамбурге, Художественную школу в Оснабрюке и Художественную академию в Гамбурге. Семь лет работал в Аддис Абебе, проектируя иконостасы храмов и трон Императора в новом дворце и парламенте. Исполняя картоны для мозаики и витажей. В настоящее время проживает в Канаде, где расписал много храмов, сделал несколько иконостасов, проектировал храм и сейчас расписывает храм.

Св. ап. Андрей
Св. Сава Сербский
Св. ап. Варнава
∴ Въ благодарность тѣмъ кто далъ намъ возможность въ Югославіи быть кадетами ∴

гия из Ниагары. Храм был переполнен кадетами местными и прибывшими из других городов и стран, их семьями, представителями Сербской колонии и прихожанами собора.

На торжества прибыла Е. В. Княжна Вера Константиновна.

После чина освящения на банкете в церковном зале в своих речах, как и присланных приветствиях кадеты и представители общественности отметили дружную и плодотворную деятельность Объединения в Торонто в деле помощи и спайки и подчеркивали роль Династии и Сербского народа в родном, гостеприимном приюте русских изгнанников. Приветствия произносили на русском и сербском языках.

Единодушное торжество русских и сербов произвело на всех большое впечатление — воистину трожество благодарности!

Накануне, в субботу 19 мая, состоялся ужин-бал в греческом клубе.

Кадеты в строю встретили Е. В. Княжну Веру Константиновну, прибывшую в зал в сопровождении сына покойной Августейшей Покровительницы ОКО в Торонто, Вел. Кн. Ольги Александровны, Т. Куликовского с семьей.

Радостным встречам не было конца, настроение царило веселое, приподнятое, чему способствовала музыка очень хорошего небольшого оркестра.

Большую заслугу в организации торжеств несут Председатель ОКО, Н. Амочаев, секретарь Б. Крылов и В. Змунчилла с другими членами объединения.

Подобные встречи-переклички очень способствуют спайке и пробуждению кадетского духа даже у тех, которые, казалось бы, не всегда идут в ногу со своими однокашниками.

Честь и слава Объединению в Торонто на многие годы!

П. О.

«КАДЕТСКАЯ ВСТРЕЧА В АРГЕНТИНЕ»

По случаю праздников Крымского кад. корпуса и Шефского праздника Княжеконстантиновцев, ОКО в Аргентине устроило традиционную кадетскую встречу. Несмотря на плохую погоду (у нас зима), эпидемию гриппа, тревожное политическое положение в стране и затруднения с транспортом, на встречу прибыло больше 20 кадет всех зарубежных корпусов, от первого до последнего выпусков.

После литургии в Храме Св. Сергия Радонежского, однокашником о. Владимиром Шленевым был отслужен молебен с провозглашением многолетия Главе Российского Императорского Дома и всем начальствовавшим, учившим и учившимся в корпусах. Затем была провозглашена «вечная память» Державным основателям и шефам корпусов, Королям Югославии Александру Первому и Петру Второму, начальникам и кадетам на поле брани живот свой положившим и в миру скончавшимся. По окончании молебна, о. Владимир, поздравил всех и закончил свое слово призывом хранить традиции корпусов и кадетскую спайку.

Кадеты Зарубежных Кадетских Корпусов в Аргентине

По окончании молебна кадеты и их семьи сфотографировались перед храмом. Затем перешли в здание Церковно-Приходской школы, где Дамский комитет организовал закуску. Перед закуской была отдана честь Русскому национальному флагу, поднятому на малом флагштоке под звуки Русского Гимна младшим сыном о. Вл. Шленева. Затем председатель ОКО, С. А. Якимович, обратился с приветствием к присутствующим прося их вставаньем почтить память наших начальников и однокашников, ушедших в лучший мир. Все присутствующие пропели песнь Дворянского полка. После пропетой молитвы, о. Владимир благословил трапезу, которой было оказано «достойное внимание». Первый тост был поднят за Главу Российского Императорского Дома и за Родину. Затем следовали тосты за корпуса, за дам, за кадетскую дружбу, за однокашников, которые в этот день, рассеянные по всему свету, но не расторгнутые, вспоминали наши корпуса и нас.

По установившемуся обычаю, во время трапезы была произведена «Перекличка Зарубежных Корпусов». На этом была закончена официальная часть встречи, после чего все присутствующие еще долго остались в дружеской беседе и пеньи кадетских и военых песен.

С. А. Я.

ЮБИЛЕЙ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ В МОНРЕАЛЕ

....“праздник каждой кадетской встречи
Теплом согревает любую грудь“.

Н Б.

В 1973 году исполнилось 20 лет со дня основания Обще-Кадетского Объединения в г. Монреале (Канада) и этот юбилей был торжественно отмечен 2-го сентября. Гостей, которые начали съезжаться в пятницу и субботу, встречали хозяева праздника и размещали по квартирам. В субботу в нескольких гостеприимных домах был устроен ужин, давший возможность бывшим однокашникам встретиться в домашней дружеской обстановке.

В воскресенье 2 сент. в Св. Николаевском соборе Архиепископом Антонием С. Францискии (кадетом Кр. К. К. — Медведевым) был отслужен молебен с поминовением усопших кадет и персонала. Несмотря на необычайную для Канады жару, храм был полон и особую торжественность службе придавало пение: соборного хора и быстро влившихся в него кадет.

По окончании молебна все участники праздника были доставлены на автомобилях в загородный ресторан, где в прекрасном большом зале красиво украшенном кадетскими эмблемами, был устроен банкет, в организацию которого как и в работу по украшению зала, много старания вложил А. Перекрестов, Г. Левчук, Е. Ляшенко и др. Кадеты в строю встретили Е. В. Княжну Веру Константиновну, прибывшую из Нью-Йорка специально на юбилейное торжество,

Когда Е. В. Княжна и почетные гости заняли места за большим столом на возвышении и все присутствующие, которых было больше ста человек, были размещены за столами, начались приветствия и поздравления. Первой, как всегда, поздравила кадет Е. В. Княжна, потом приветствовал гостей председатель ОКО в Монреале Е. Рубанистый.

От ОКО в Вост. Зоне США говорил председатель В. А. Высоцкий. С теплым словом обратился к кадетам один из последних воспиттаелей Версальского Корпуса г. Калинович. От имени Объединения кадет Росс. Зарубежных корпусов в Н.-Йорке говорил Г. Сперанский; как представитель Чикаго, выступил С. Савицкий; от ближайшего соседа — Объединения в г. Торонто, выступил В. Змунчилла, сообщив при поздравлении, что Торонтское Объединение прислало подарок. Этим подарком оказались два ящика вина, которые были торжественно открыты посреди зала. Председатель 3-го Кадетского съезда Н. Козякин поздравляя кадет, напомнил о том, что в 1974 году состоится 4-ый кадетский съезд в Сан Франциско и выразил пожлеание, чтобы этот съезд привлек как можно больше участников. От журнала «Кадетская перекличка» говорил редактор П. Олферьев, объясняя ту важную роль, которую этот журнал играет в жизни кадет, а также рассказал о трудностях по изданию журнала. После слова П. Олферьева был произведен сбор в пользу журнала, давший 134 дол. Объединение быв. восп. Харьковского Института прислало поздравление, которое было прочитано Е. Рубанистым. От Объединения быв. восп. Мариинского Донского Института кадет поздравила Нон-

на Белавина, закончив свою речь стихотворением посвященным Белой Церкви. Порядок выступлений объявлял Е. Ляшенко.

Большой удачей банкета нужно считать маленький, но прекрасный оркестр, развлекавший гостей во время обеда русской и венгерской музыкой, а позже игравший танцы. В прекрасной организации банкета главная заслуга А. Перекрестова, вложившего много труда и не пожалевшего времени на устройство этого праздника.

Обед (в итальянском стиле) быстро и ловко разносили кельнеры, а бесплатный бар был открыт все время.

Как всегда бывает на кадетских праздниках, атмосфера в зале была очень дружеской и, несмотря на возраст, очень молодой. Было много встреч с друзьями, с которыми не виделись долгие годы и не было конца воспоминаниям.

Особенно оживление настало, когда появилась настоящая молодежь, принимавшая участие во Всезарубежном Съезде Русской Православной Молодежи, происходившем в Монреале в эти же дни.

Танцы затянулись до поздна и гости разъезжались неохотно, с грустью расставаясь с друзьями, но веря и зная, что такие кадетские встречи будут еще продолжаться, напоминая всем участникам светлые годы юности и помогая сохранять крепкую и ценную человеческую дружбу.

Н. Б.

ПАМЯТИ УШЕДШИХ

Объединение Кадет Российских Зарубежных
Кадетских Корпусов в Нью-Йорке
с глубоким прискорбием сообщает о кончине
Почетного члена Объединения
Преподавателя математики Зарубежных Корпусов

ГЕОРГИЯ ПАВЛОВИЧА КОШИЦ

Георгий Павлович в 1917 году.

Георгий Павлович КОШИЦ родился 6-го сентября 1890 г. в г. Денеши на Украине. Среднее образование получил в Житомире, а затем учился в Московском Университете, где закончил физико-математический факультет в 1913-м году. Преподаавл в гимназии в Ростове на Дону до вступления в Добровольческую Армию. С Добровольческой Армией эвакуировался в Галлиполи, откуда выехал в Болгарию. Вскоре получил приглашение приехать в Белую Церковь (Югославия), чтобы занять должность преподавателя математики сначала в Крымском, а затем Русском Кадетских Корпусах. В Корпусах пробыл с 1923-го по 1933-й год, после чего перевелся в Белградскую Русско-Сербскую Гимназию, где оставался до самого ее закрытия в 1944-м г. Вначале преподавал только в Мужской гимназии, а последние три года также и в Женской. После закрытия Гимназии некоторое время давал частные уроки математики, а в 1946-м г. поступил преподавателем математики в Среднюю Метеорологическую Школу в Белграде. На этой должности он оставался до выезда из Югославии в августе 1950-го года.

Оказавшись в беженском лагере в Триесте (Италия), возобновил свою преподавательскую деятельность, когда при лагере была открыта гимназия. В 1955-м году он покинул Триест

и вместе с женой иммигрировал в Соединенные Штаты, где обосновался в Глен Кове (штат Нью-Йорк). Несмотря на свой уже пенсионный возраст, он поступил на работу на фабрику дамских сумочек и прослужил там девять лет.

В классе на уроке в 6-м классе в 1932 г.

В 1971-м году, после 16-тилетнего пребывания в США, он переехал с женой в Канаду, в Монреаль, и поселился у одной из своих дочерей. Скончался 24-го июля 1973-го года на даче в Роудоне, вблизи Монреаля.

Строгого и требовательного преподавателя любили и уважали поколения его учеников. Знания, преподанные им этим воистину Божией милостью педагогом остались на всю жизнь и помогли в дальнейшей жизни.

Они сохранят о нем вечную память.

Семье покойного искреннее соболезнование.

ПОСЛЕДНИЙ ПРИВЕТ

Печальным и грустным оказался этот апрель для кадетской семьи в Сан Франциско, для кадет Сибиряков — Александровцев и для нас Княже-Константиновцев.

Не успела еще слечся земля на могиле ВАСИ УТКОВА как 28-го апреля в Великую Субботу ушел от нас и СЕРЕЖА МАРКОВ. Ушел как праведник в момент своего служения Всевышнему украшая внутренность храма, в преддверии Светлого Праздника.

Оба они и Утков и Марков были дороги нам кадетам за то, что в течение своей нелегкой жизни не теряли чувства локтя со своими однокашниками и твердо стояли на, раз занятой ими, антикоммунистической позиции.

По характерам они были разные, Вася-весельчак, балагур легче брал от жизни то, что скромному, выдержанному и серьезному «Маркушке» не всегда, может быть, удавалось. Но оба они были РУССКИМИ, ПРАВОСЛАВНЫМИ . . . А Господь Бог не обидел ни одного из них талантами:

Вася своим, хорошо поставленным, голосом умел захватить и покорить своих слушателей и не раз своими песнями услаждал и доставлял отраду многим из нас. Сережа был талантливым журналистом и писателем. Последние годы сотрудничал во многих зарубежных военных журналах доставляя своими трудами удовольствие читателям — любителям военной были...

Не легко им обоим дались детские и юношеские годы как и большинству их сверстников на фоне «великой-бескровной» растерявших своих родителей и близких, познавших многие лишения вплоть до оставления родной земли... Да и путь в зарубежье выдался им далеко не легкий: Голод, холод, суровое чужое, неприветливое море, свирепый тайфун, гибель друзей однокашников на «Лейтенанте Дыдымове» и наконец, непредвещающее ничего доброго огромный, погрязший в пороках интернациональный Шанхай . . .

Но вот все же, для одной части кадет Сибиряков и Хабаровцев прибывших в 1925 году в Королевство Югославию наступает продолжение регулярной кадетской жизни, временно прерванной судьбою.

Между попавшими в Княже-Константиновский (тогда еще 1-ый Русский в г. Сараево) кадетский корпус были и Вася Утков и Сережа Марков — «Маркушка».

Вскормленные старым кадетским духом в Сибирском корпусе они быстро и безболезненно вошли в новую кадетскую среду воспринявшую традиции своих родоначальников кадет Киевлян и Одессит. Чувство локтя было обоюдно найдено и годы проведенные в Сараево сроднили их на веки с Княже-Константиновцами.

Огромными усилиями воли они успели полностью овладеть требуемыми научными знаниями, наверстав в короткий срок потерянное, и в 1927 году в составе седьмого выпуска они сдали экзамены на аттестат зрелости и покинули стены корпуса.

Теперь перед ними открывалась новая дорога для продолжения своего образования. Не имея родных, родственников и какой-либо матерьяльной поддержки со стороны для продолжения учения (грошевой стипендии для этого было недостаточно) пришлось заниматься попадавшими под руку разными работами, что неблагоприятно отражалось на учении.

И тут судьба не побаловала и не поддержала их.

Затем была война. Сережа с первых же дней основания Русского Корпуса до последнего дня его существования был в его рядах и Промысел Божий бдил над ним и хранил жизнь скромного и честного русского воина...

После войны начались странствования по лагерям и далеким землям.

Если Сереже хоть тут помогла судьба забросив его в Сан Франциско, то Васе она не совсем улыбнулась, прибив его к далекой Аргентине. Все же наконец и Васе удалось перебраться в наши края и снова встретиться после долгих лет разлуки и своего однокашника и одноклассника Сережу и всех Княже-Константиновцев с которыми и он и Сережа сроднились еще в Югославии . . .

Казалось, что ничто не предвещает близкого, печального (к сожалению неизбежного) конца. Оба они были полны жизни и энергии, что доказывает сравнительно недавнее выступление Васи на сцене Русского Центра в роли старого цыгана, а у Сережи его еще совсем свежие заботы о благолепии храма, в котором он был ктитором.

Мир праху воинов Василия и Сергея и да будет им легкой чужая земля! И да примет их Господь в Свое Небесное Царствие.

Искренно сочувствуем неутешному горю оставленных семей и близких нам дорогих покойников, молитвенно-низко склоняя головы перед ВОЛЕЙ ВСЕВЫШНЯГО.

Спите спокойно, родные.

Ваши друзья-однокашники
Княже-Константиновцы.

В дополнение к воспоминаниям Княже-Константиновцев о покойных Васе Уткове и Сереже Маркове — Правление Обще-Кадетского Объединения в Сан-Франциско, со своей стороны считает необходимым добавить, что С. Марков был одним из основателей ОКО в Сан-Франциско и все время занимал должности в Правлении, а последние годы был Председателем Ревизионной Комиссии. Он был основателем нашего Кадетского хора и с приездом в Америку (в Сан-Франциско) В. Уткова они работали совместно.

Обще-Кадетское Объединение глубоко скорбит об их преждевременной кончине и еще раз выражая соболезнование их семьям, верит, что они действительно оставили по себе «Вечную память»!.

Газета «Искра», выходящая на сербском языке в Мюнхене, сообщает о смерти, 8 апреля с. г.

НИКОЛАЯ АРЦЫБАШЕВА
Кадета Кр. К.К., выпуска 1926 года

В некрологе, посвященном покойному с большой теплотой рассказано о его ученши в Корпусе, о его борьбе против коммунистов во вторую мировую войну, о нем как о прекрасном товарище, который . . . «своей приветливостью и любвеобилием, качествами присущими только русскому человеку, привлекал сердца людей».

Мир его праху.

«НОВАЯ ПОТЕРЯ»

Николай Николаевич Воропанов

Обще-Кадетское Объединение и семья зарубежных кадет в Аргентине понесли тяжелую утрату.

9 июля 1973 года в городе Розарио скоропостижно скончался от разрыва сердца наш однокашник, инженер Николай Николаевич Воропанов, вице унт. офиц. 10 вып. I Русск. Вел. Кн. Константина Константиновича Кад. Корпуса.

По окончании корпуса и университета в Белграде, покойный, работая по своей специальности в Югославии, создал себе имя способного и талантливого инженера. Такой же репутацией он пользовался и в Аргентине, где в конце концов работал самостоятельно, имея свою техническую контору.

Пок. Николай Николаевич оставив стены корпуса, не ушел «в быт», не стал «бывшим кадетом». Несмотря на то, что он постоянно жил в Розарио, он поддерживал тесную связь с Объединением, приезжая всегда на все кадетские встречи и вечера. С любовью вспоминая время проведенное в корпусе, делился с нами своими воспоминаниями.

Последний раз мы видели его на кадетской встрече 3-го июня 1973, празднике Крым. Корпуса, когда во время переклички зарубежных корпусов, он выступил с очень остроумным тостом от имени Княжеконстантиновцев. Никто в этот момент не думал о том, что мы в последний раз видим этого всегда веселого и жизнерадостного человека.

Похоронен Николай Николаевич в гор. Розарио. На его панихиду в Б. Айрес собрались почти все однокашники.

Дорогой однокашник! Пусть тебе будет пухом чужая земля, а между нами вечная тебе память.

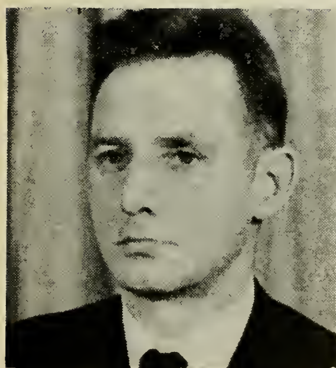
Жене, сыну и всем родственникам покойного искреннее соболезнование от всех однокашников в рассеянии сущих.

Председатель ОКО в Аргентине.
С. А. Якимович

О. Дм. Симонов, Д. Медведков, А. Зеркач,
С. Ольденборгер, Лев Бутович и Г. Чикалов
с глубоким прискорбием извещают всех членов
Обще-Кадетского Объединения
о кончине однокашника

БОРИСА ЛЕВИЦКОГО

Кадета 5-го в. Кр.К.К.
и выражают искреннее соболезнование
Лидии Ивановне Левицкой.

Погиб 6-го июля 1973 г. в 3.30 ч.

6 июля с. г. трагически скончался

АЛЕКСАНДР МОСКАЛЕНКО

Кадет 21 в. 1 Р.В.Кн.К.К.
Кадетского Корпуса

Шура в девятый день кончины его матери, Наталии Владимировны Чижевич и похоронен 8 июля на кладбище монастыря Новое Дивеево.

С ранних лет жизнь его складывалась несчастливо. Отец, Александр Васильевич Москаленко умер от тифа за два месяца до его рождения. Все три брата, Ростислав, Михаил и Александр, учились в Корпусе и вот 13-ти лет от роду умирает от заражения крови в 1935 г. Михаил, 20-го вып., а в 1945 г. пропал без вести в Белграде старший брат Ростислав, 16 вып.

С первого класса Корпуса Шура заинтересовался историей и литературой и эти знания и любовь к чтению сохранились на всю жизнь. Не закончив Корпуса, поступает в группу Семинского и активно участвует в наступлении на Ленинград. После многих мытарств, арестовывается немцами за несогласие с их политикой на освобожденной территории России и на два года отправляется в концентрационный лагерь в Риге.

Вернувшись в Белград, поступает в Русский Охранный Корпус и служит в нем до конца войны. Из Германии он отправляется во Францию, где проживает в тяжелых материальных условиях до 1960 г. После этого переселяется в Нью-Йорк и поселяется со своей матерью и отчимом, Б. Г. Чижевичем.

Покойный Шура был очень добрым, отзывчивым и всегда старался помочь своим друзьям. Скромный и внимательный, всегда доброжелательно ко всем относившийся, до последних дней, несмотря на все более усиливавшуюся эмфезему легких, был готов помочь всем, кто к нему обращался.

Не будучи женатым, он посвящает много времени детям и всегда о них заботится и старается передать им свои знания истории и любовь к Родине.

Неожиданная и трагическая кончина Александра Москаленко произвела на многих его друзей и однокашников горестное и тяжелое впечатление.

Мир его праху.

А. И.

Покойный у Знамени Родного Корпуса на молебне в день Корпусного Праздника. Знаменщик Объединения Кн. Теймураз Багратион-Мухранский.

Объединение Кадет Российских Зарубежных Кадетских Корпусов в Нью-Йорке скорбит по поводу кончины Почетного члена Объединения

АНАТОЛИЯ ШЕЙНЕРТА

Кадета Полоцкого Кадетского Корпуса Секретаря Центрального Объединения Полочан и доблестного офицера. Искреннее соболезнование супруге и брату Евгению Шейнерту, 2-го вып. Р.К.К.

БИБЛИОГРАФИЯ

«ПО СЛЕДАМ КОНКВИСТАДОРОВ», М. Д. КАРАТЕЕВА.

Имя М. Каратеева уже достаточно известно в Зарубежье и не нуждается в том, чтобы о нем напоминали, или создавали ему лишнюю рекламу. После нескольких, исключительно интересных книг из времен татарского ига на Руси, М. Каратеев выпустил свое описание эпопеи русских колонистов в тропических лесах Парагвая, эпопеи, которая кончилась развалом колонии и бегством из нее почти всех участников, одним из которых был сам автор.

Эти участники не были какими-либо искателями приключений или неудачниками, как это было в прошлые века при колонизации Нового Света. Это были русские офицеры и их семьи, для которых в Европе, у наших бывших союзников, не нашлось ни уважения к их недавней боевой службе, ни простого признания за ними права на жизнь и на заработок. Вынужденные покинуть Европу и устраивать свою жизнь за океаном, они попали в совершенно невыносимые условия и сделались жертвами недобросовестности организаторов переселения. М. Каратеев, с присущим ему талантом, описывает переезд и устройство на месте, животный и растительный мир Парагвая, историю этой страны, климат и типы жителей, с которыми пришлось соприкасаться. Несмотря на действительно тяжелые условия жизни на новых местах, автор рассказывает о всех событиях с большой долей юмора, без горечи и без попыток отомстить виновникам за пережитое. Это позволяет читать книгу с неослабевающим интересом даже тогда, когда автор пишет о вещах, которые способны вызвать чувство возмущения.

Вторая книга М. Каратеева, «Арабески истории», также полученная в редакции для отзыва, представляет собой собрание исторических статей и очерков, в своем большинстве касаю-

щихся мусульманских стран и магометанской религии. Книга знакомит нас с историей зарождения и развития ислама и его сект и дает массу сведений об этих вопросах, о которых до сих пор мы или ничего не знали, или имели превратные представления. Ряд очерков в этой книге имеет прямое отношение к истории нашей родины и представляет большой интерес тем более, что как говорит сам автор в своем предисловии, исторические познания о Востоке у рядового русского человека ничтожны, по сравнению с тем, что он знает о Западе.

Как эта, так и другие книги М. Каратеева, в большой степени способствуют заполнению этого пробела и мы усердно рекомендуем их нашим читателям.

А. Росселевич.

Printed by "Monastery Press" — 8011 Champagneur Ave., Montreal, Que. Canada